

18+

ПЕВЧАЯ ПЕПЛА

Анна де Клер

Анна Де Клер
Певчая Пепла

«Де'Либри»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Де Клер А.

Певчая Пепла / А. Де Клер — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3110-2

Она хотела стать кем-то. Столица обещала ей всё, но взяла плату, о которой девушка без прошлого даже не догадывалась. Головокружительный роман, дружба, коварные интриги – это лишь верхушка айсберга, о который разбиваются жизни. Втянутая в водоворот событий, где грань между добром и злом стерта, она вынуждена бороться не только за своё будущее, но и за жизнь всего мира. Любовь, предательство и дружба стали её спутниками в водовороте событий, подброшенных Судьбой. Выстоит ли она, когда на кону стоит всё? Или рассвет для Рассвета так и не наступит?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-3110-2

© Де Клер А., 2026
© Де'Либри, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Де Клер Певчая Пепла

© Анна де Клер, текст, 2026

* * *

Глава 1

Оглушающий гул голосов окружал со всех сторон, превращая огромную приёмную залу академии Годжо в гигантский улей, где каждый рой жужжал о своих надеждах и амбициях. Топот сотен ног отдавался в висках мерным, раздражающим стуком. Воздух был густым и тяжёлым, волнами накатывало амбре, в котором дорогие, пряные духи знати причудливо и отвратительно смешивались с запахом пота, пыли дорог и чем-то кислым, будто бы от годами не мытых тел. От этой гремучей смеси слезились глаза и подкатывало тошнотой к горлу.

Голова кружилась, а в висках пульсировала вена, отдавая тупой, навязчивой болью куда-то в затылок. Казалось, ещё немного – и череп треснет. Руки сами собой сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Хотелось одного: распахнуть настежь массивные двери, вырваться на волю, вдохнуть полной грудью свежий, пьянящий воздух полей Лояна, закутаться в старый, но такой родной шерстяной плед и сесть у окна, позабыв о столице, её величии и том давящем будущем, что, казалось, уже поджидает за этими стенами. Но назад дороги не было. Только сейчас. Только эта толпа. И цель – обосноваться в академии, попасть в элитный отряд и наконец-то, наконец-то зажить достойно, отвоевав у судьбы свой кусок.

Неожиданно толпа, что стеклась сюда со всех концов королевства, пришла в движение. Бурный, нестройный поток заколебался, а затем разделился на две неравные половины, устремившись к двум распахнувшимся дверям. Над головами пронёсся встревоженный гул.

– Где какой? – закричал кто-то совсем рядом, осматриваясь по сторонам с паникой в глазах.

Всё было просто, как дважды два: воины и маги. Два столпа, на которых держалась академия, которые впоследствии делились на множество других ответвлений – от писцов до самых смертоносных убийц. Расправив плечи, Роксана с глубокой внутренней дрожью заняла свою очередь в потоке, что тянулся к мастерам-чародеям. Она знала, что с ней что-то не так, вернее, что-то есть. Сила. Смутная, дремлющая, но живая. В воины она не годилась – слишком мала и хрупка, слабые мышцы, да и реакция оставляла желать лучшего. А вот зелья и заговоры... Тихое шептание над травами, сложные формулы, требующие не силы, а ума и тонкого чутья, – это у неё всегда выходило неплохо. Быть может, её будущее – это целительство? А, как известно, королевские лекари и полевые целители получали отличное жалование, селились в белых домах с виноградниками у стен... А где жалование, там и хорошая, сытая жизнь, там и уважение, и спокойная старость. Эта мысль горела внутри неё одиноким, но упрямым огоньком.

Очередь двигалась с пугающей быстротой. Перед ней стояла, казалось, тысяча человек, и она уже мысленно представляла, как покинет эти стены затемно, когда солнце скроется за горизонтом, пристыженная и разбитая. Но нет – тех, кто не подходил, отсеивали с безжалостной, бюрократической эффективностью. То тут, то там раздавался сдавленный вздох, короткий возглас протеста, и стражи, молча и бесстрастно, сопровождали очередного «неудачника» к выходу. Каждый такой уход заставлял её сердце сжиматься от страха.

Спустя около получаса, когда ноги уже онемели от долгого стояния, настал главный момент, ради которого она проделала этот долгий путь. Девушка перед ней, русоволосая и бледная, внезапно вскрикнула, когда камень в руках мастера не подал ни единого признака жизни.

– Нет, вы должны провести тест ещё раз! Это ошибка! – её голос, сначала дрожащий, перешёл на визгливый требовательный тон. – Я чувствую! Во мне есть сила!

Но слушать её никто не стал. Мастер лишь устало махнул рукой. Два стража, чьи доспехи до этого казались лишь частью интерьеря, мгновенно ожили, подхватили бедняжку под руки и, не встретив никакого сопротивления её хрупкого тела, буквально вынесли за дверь. Гул в

очереди на мгновение стих, сменившись гнетущей тишиной, а затем возобновился с новой силой – все теперь с удвоенным страхом и надеждой вглядывались в своего соседа.

Роксана замерла, чувствуя, как подкашиваются ноги. И вот она перед ним.

– Имя! – резкий, лишённый всяких интонаций голос прорезал воздух. За простым деревянным столом сидел мужчина на вид лет тридцати пяти, не больше. Он был облачён в строгую серую форму академии, а на груди поблёскивал серебряный значок мага. Без опознавательных символов стихий или школы – а это значило лишь одно: сила у него была, но лишь та, что годится для рутинной, бумажной работы, вроде этой приёмной комиссии. Его взгляд был пустым и усталым за стёклами очков.

– Имя! – повторил он, уже с ноткой раздражения, и его голос, словно обжигающий разряд, заставил Роксану подпрыгнуть на месте. Она так погрузилась в свои мысли, в страх, в наблюдения, что напрочь выпала из реальности.

– Р-Роксана, – выдавила она, и собственный голос показался ей писком испуганной мыши. – Роксана из Лояна.

Маг что-то отметил в длинном свитке, лежащем перед ним, не глядя на неё. Затем его рука потянулась к бархатной подушечке, на которой лежал невзрачный, почти тусклый серый камень, испещрённый мелкими трещинами.

– Положи руку, – скомандовал он. – Не дави. Просто коснись. И постарайся ни о чём не думать.

Последнее прозвучало как самая нелепая шутка на свете. «Ни о чём не думать». Сердце колотилось где-то в горле, а в голове проносились обрывки молитв, воспоминаний о доме, присутствовал страх перед стражами у двери и яркий образ выдворяемой плачущей девушки. Дрожащими пальцами Роксана коснулась шершавой, холодной поверхности камня.

И в тот же миг мир взорвался.

– Роксана Лагос из Лояна, – выдохнула она, заставляя голос звучать твёрже, чем она чувствовала себя внутри.

Мужчина, не глядя на неё, быстрым, выхваченным движением черкнул заострённым пером в толстой гроссбухе. Его рабочее место было аскетичным и функциональным: помимо книги, на столе стояла простая каменная чаша с водой, а справа от неё – два железных контейнера. Один – с аккуратным рядом стерильных игл, другой, уже наполовину полный, – с использованными, чьи острия тускло поблёскивали запёкшейся кровью десятков других претендентов. Этот контраст между чистотой и отходами вызывал неприятный холодок под кожей.

– Возраст? – Его рука с пером застыла над очередной пустой клеткой, готовая к следующему росчерку.

– Восемнадцать, – ответила Роксана, и перо снова закрипело, заполняя строчки заранее заготовленными формулировками, пока не остановилось на последней, единственной свободной строке, предназначенной для самого главного.

– Руку!

Роксана протянула ладонь. Пальцы её слегка подрагивали, и она была благодарна, что чиновник не смотрел на неё, а не то увидел бы этот немой свидетель страха. Он действовал с автоматической, безразличной быстротой: взял новую иглу из контейнера, коротким и точным движением проткнул подушечку её указательного пальца. Резкая, точечная боль на секунду перебила общее оцепенение. Он надавил, и алая капля, круглая и яркая, упала в прозрачную воду. Но вместо того, чтобы раствориться, она повела себя странно – расплылась, окрасив жидкость в мутно-красный цвет, словно в чашу вылили не каплю, а целую ложку крови.

Затаив дыхание, Роксана не отрывала взгляда от чаши. Вода заколебалась, а затем... начала закипать. Но это был не жар от огня, а какое-то внутреннее буйство. Кровавые пузырьки вздувались и лопались с тихим шелестом, и с каждым мгновением жидкость темнела, становясь багровой, затем фиолетовой, и, наконец, в одно мгновение, превратилась в непроглядную,

густую черноту, поглотившую весь свет. Она была живой, плотной, словно чернильная тушь, но с металлическим отливом.

– Что... что это значит? – прошептала Роксана, переводя испуганный взгляд на мужчину.

Его лицо, до этого бывшее маской профессиональной отстранённости, дрогнуло. Брови поползли вверх, изгибаясь в немом удивлении, в котором, однако, читалась и тень какого-то старого, почти забытого ужаса. Так смотрят на нечто, что не должно было случиться, но случилось.

– Проходи! – его голос сорвался, выдавая внутреннее напряжение. Он с силой, почти рванув, сделал какую-то пометку в графе, которую Роксана не смогла разглядеть, вырвал лист из книги и сунул его ей в руку.

Приняв свёрток, она сделала шаг в сторону, обходя стол, чувствуя себя странно. За спиной этого внезапно взволнованного чиновника лежало её будущее. Внутри всё трепетало от смешанных чувств: леденящий страх от непонятого результата и пьянящая искра надежды. Она была настолько уверена, что провалится, что уже мысленно видела себя через пару дней: устало бредущей по пыльной дороге в Лоян, открывающей дверь своего старого, но родного дома, чтобы прожить тихую, предсказуемую и такую бедную жизнь вдаль от суеты столицы и блеска мечты, которая только что обрела такой странный и пугающий шанс.

Второй зал был другим миром. После шума и давки приёмной здесь царила почти священная тишина, нарушаемая лишь сдержанным, приглушённым гомоном. Прошедшие первый отбор стояли небольшими группами, не решаясь говорить громко, словно боясь спугнуть свою удачу. В воздухе витало напряжение предвкушения и страха.

Роксана прижалась к прохладному стеклу окна, дрожащими пальцами развернув свой лист. Она жаждала понять, что означает этот чёрный водоворот, кто она теперь, что за сила в ней скрывается. Но разобрать решающее слово было невозможно. Чернила, которыми была сделана пометка, будто жили своей жизнью: они расплылись, буквы слились воедино, превратившись в одно сплошное, зловещее чёрное пятно на пожелтевшей бумаге, повторяя цвет её крови в чаше. Это было дурным знаком.

– Привет!

Роксана вздрогнула и резко свернула лист, словно пойманная на воровстве. Рядом с ней, излучая невозмутимое спокойствие, стояла девушка. На её губах играла милая, чуть свысока, улыбка. Незнакомка была облачена в платье из тёмно-синего бархата, по канту которого вилась сложная золотая вышивка. В ушах мерцали сапфиры, оттеняющие холодную глубину её серых глаз, а на тонких пальцах поблёскивали изящные золотые кольца. Высокая, с безупречной осанкой и фигурой, она была воплощением столичной элиты. И лишь её глаза – совершенно обычные, ясные и спокойные серые глаза – казались неожиданными на таком лице, будто бы они должны были быть иными: сияющими магией или пронзительными, как сталь.

– Привет! Я Роксана! – отозвалась девушка, на секунду забыв о свёртке в руке и инстинктивно протянув ладонь для приветствия, простого и искреннего, как у них в Лояне.

Незнакомка широко улыбнулась, но её ответный жест был иным – лёгким, почти воздушным касанием кончиков пальцев, как бы играя в изысканный ритуал, а не в простое рукопожатие.

– Меня Лили зовут! – её улыбка стала ещё лучезарнее, обнажая безупречно ровные белые зубы, будто отполированные дорогим столичным зубным врачом.

– Откуда ты? – Лили грациозно облокотилась на подоконник, сложив руки на груди. Её движение было отточенным, поза – непринужденно-элегантной. Длинные, слегка выющиеся волосы цвета каштана мягко съехали с плеч, переливаясь в свете, падающем из окна. Роксана невольно отметила, что от них исходит едва уловимый аромат дорогих духов – не тяжёлый и навязчивый, как в толпе, а лёгкий, как цветущий сад.

– Из Лояна, – ответила Роксана, чувствуя, как её простое хлопковое платье внезапно кажется ей ещё проще. – А ты, полагаю, местная?

– Да, ты права, я родилась в Кашгаре. Мой отец – второй министр, – она произнесла это легко, но уголки её губ дрогнули в слабой, почти незаметной гримасе, а бровь едва заметно поползла вверх. Это родство, казалось, было для неё не предметом гордости, а скорее бременем, вызывающим лёгкое неловкое чувство.

– Слышала, в академии не имеет значения происхождение! – Роксана пожала плечами, пытаюсь звучать уверенно, словно отстаивая этот новый, справедливый порядок.

– Не имеет. С тех пор как директором стал герцог Намтар Морель, – Лили легко кивнула, подтверждая свои слова. Её тон стал чуть более серьёзным, почти почтительным. – С его приходом всё изменилось: армия, академия... Король им не просто доволен – он от него зависит.

– Король – да, но не министры! – Роксана рискнула на небольшую дерзость, и в воздухе на секунду повисло понимание. Девушки усмехнулись, обменявшись быстрым, оценивающим взглядом, в котором мелькнуло неожиданное согласие.

– У него больше власти и прямое влияние на трон. Министрам за ним не угнаться, – Лили пожала плечами с таким видом, будто констатировала погоду за окном. – Даже моему отцу.

– Быть может, это и к лучшему, – мягко вставила Роксана, чувствуя, что забирается в дебри, в которых не ориентируется. – Хотя я, честно говоря, ничего не смыслю в политике. – Она искренне желала сменить тему.

Лили, уловив намёк, мгновенно переключилась. Её взгляд стал живым и заинтересованным.

– Какая у тебя магия? – спросила она, переходя к самому очевидному и уместному здесь вопросу.

– А вот, посмотри... Чёрная клякса! – с горьковатой усмешкой Роксана развернула свой лист, демонстрируя «художества» приёмной комиссии.

– О, у меня нечто похожее! – Лили рассмеялась, лёгким движением доставая из складок платья свой собственный документ. На нём тоже красовалось бесформенное чёрное пятно, хоть и чуть менее агрессивное. – Видимо, главный критерий отбора – неразборчивый почерк регистратора.

– Здесь определено нужно ввести дополнительные уроки каллиграфии, – фыркнула Роксана.

Переглянувшись, девушки рассмеялись уже вместе, и натянутость первых минут наконец растаяла. Смех, однако, был недолгим.

– А ты кем хочешь стать, Роксана? – спросила Лили, но не успела та ответить, за их спинами с новой силой вспыхнули недовольные крики.

На этот раз двери, ведущие в следующий зал, с глухим, окончательным стуком захлопнулись, отсекая очередную группу неудачников. Возгласы ярости и отчаяния на секунду проникли в их тихий уголок, но быстро стихли, подавленные толщей дубовых створок и, вероятно, бдительной стражей.

– Нужно уметь принимать поражение, – тихо произнесла Лили, и её голос внезапно стал глубже, задумчивым. Она смотрела на закрытую дверь, но взгляд её был обращён куда-то внутрь себя. – Криками ничего не исправить... Только доказательствами. Только силой.

Её слова повисли в воздухе, напоминая Роксане, что за легкомысленной улыбкой и бархатным платьем может скрываться воля, закалённая в иных, куда более суровых условиях, чем поля Лояна.

– Ты права, слезами делу не поможешь... – тихо согласилась Роксана, машинально обнимая себя за плечи, будто пытаюсь согреться от внезапно нахлынувшего холода воспоминаний. Она знала это не понаслышке. Она пробовала. Плакала ночами напролёт, забившись в угол своего скромного дома в Лояне, жалела себя и свою нелёгкую долю. Но слёзы не приносили

облегчения – они лишь раздражали и злили окружающих, подтверждая её статус чужой, «проклятой девчонки», с которой не стоило связываться. Она с силой тряхнула головой, словно отряхиваясь от тяжёлых пут прошлого, заставив себя вернуться в «здесь и сейчас».

– Так кем же ты хочешь стать? – Лили, словно почувствовав смену настроения, резко оживилась, возвращая беседу в безопасное русло.

– Целителем, – немного неуверенно начала Роксана. – Я кое-что понимаю в травах, умею готовить отвары, знаю несколько старых заговоров... гадаю на картах и кофейной гуще... – она вдруг запнулась и прикусила губу. Вываливать все свои скромные, почти деревенские умения первой встречной, да ещё и в стенах академии, было не самой разумной затеей. Но слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Это хорошо! Значит, у тебя есть выбор. Как минимум три, если, конечно, эти мудрецы смогут расшифровать каракули приёмной комиссии, – с лёгкой иронией заметила Лили. – Оракулов, например, очень мало. Они невероятно ценятся, особенно в политических кругах, Роксана. Им доверяют составлять прогнозы и раскладывать дипломатические партии. – Девушка вздохнула, словно представляя всю сложность такой судьбы. – Целителей, конечно, больше, но действительно хороших – единицы. Так что и те, и другие всегда в цене.

– А ты? – переспросила Роксана, всё ещё обдумывая услышанное. Мысль о том, чтобы стать оракулом, показалась ей одновременно пугающей и заманчивой.

– Полагаю, эта клякса должна означать «огонь», – пожала плечами Лили. – Я всегда чувствовала с ним связь. Да и вода в чаше во время теста стала оранжевой, как расплавленный металл.

– А какие вообще бывают цвета? – Роксана отвлеклась от расчётливого планирования будущего. Загадка чёрной воды в чаше сейчас волновала её куда сильнее, чем потенциальные доходы.

– О, тут всё довольно просто, – оживилась Лили, с явным удовольствием принимаясь за объяснения. – Оранжевый – огонь. Синий – вода. Серый, конечно же, – ветер. Коричневый – стихия земли. – Она многозначительно вскинула бровь. – Есть ещё фиолетовый, но он редкий. Такие маги могут повелевать молниями и бурями, влиять на саму погоду.

– И это всё? – Роксана затаила дыхание, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

– Нет, – голос Лили стал тише и серьёзнее. – Есть ещё два. Зелёный... и чёрный. Но такие рождаются один на миллион, Роксана. – С этими словами она легко, почти воздушно, подпрыгнула и уселась на широкий подоконник, сложив руки на груди и облокотившись на раму.

– И... чем же они повелевают? – Роксана сделала шаг ближе, заглядывая в ясные серые глаза новой знакомой, в которых вдруг появилась тревожная глубина.

– Зелёный... – Лили обернулась к окну, за которым высилась одинокая, тонкая башня с острым, как игла, шпилем. – Цвет, который у всех ассоциируется с жизнью, с молодой сочной травой. Но в мире магии он означает нечто противоположное. Зелёные – это некроманты. Они говорят с тенями, призывают упырей и оскверняют границу между мирами. С ними лучше не связываться. В академии их несколько, но они всегда держатся особняком. – Роксана последовала за её взглядом и только сейчас заметила, как в узких окнах далёкой башни мерцает призрачное, ядовито-зелёное свечение.

– Ну, а последние? – прошептала Роксана, не в силах оторвать взгляд от зловещего сооружения.

– Чёрные... – Лили медленно перевела на неё взгляд, и в её глазах не было ни страха, ни отвращения, а лишь холодная, безжалостная констатация факта. – Чёрные – это Щиты, Роксана. И, честно говоря, я бы не хотела оказаться на их месте.

– Щит? Но разве это плохо? – Роксана удивлённо вскинула брови. Защищать, оберегать – разве это не благородное дело?

– Для всех это хорошо, кроме самого Щита, – поправила её Лили, и в её голосе прозвучала тяжёлая, взрослая усталость. – Сейчас мир относительно стабилен, но прежде, во времена Великих войн, за ними охотились как за ценным ресурсом. Их заставляли стоять на самых гибельных рубежах, поглощать заклинания целых армий. Но магия, которую они пропускают через себя, – это яд. От таких чудовищных потоков плоть не выдерживала. Они не погибали в бою – их просто разрывало. – Тяжело вздохнув, девушка соскользнула с подоконника, отбросив волны каштановых волос назад. Жест был изящным, но за ним скрывалась горечь.

– Слава небесам, что сейчас нет войны... – наивно выдохнула Роксана, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

– Война есть, Роксана. Просто мы, в этих стенах, о ней не знаем, – голос Лили стал тихим и жёстким, а лицо внезапно застыло, словно высеченное из мрамора. – После выпуска нам откроется совсем иная картина мира. Не такая уж и прекрасная.

Она знала, о чём говорила. И внутри Роксаны, под слоем надежд и мечтаний, проклюнулся крошечный, липкий червячок страха. Он был мал, но уже начал тихо разрастаться, отравляя эйфорию от успеха.

– Ты не сказала о красных! – новый голос прозвучал так внезапно и так близко, что Роксана взвизгнула и подпрыгнула на месте, роняя свёрток с тестом. Сердце бешено заколотилось в груди, грозясь вырваться наружу.

– Прости, напугал? – Молодой парень с широкой, самоуверенной улыбкой и таким же «смазливый» личиком коснулся ее плеча. Его появление было бесшумным, как у кошки.

– Демьян! – Лили цыкнула в его сторону с таким видом, словно отгоняла назойливую муху, но в её глазах мелькнула знакомая искорка.

Парень лишь улыбнулся ещё шире, и Роксана не отказала себе в удовольствии его рассмотреть. Высокий, под два метра, с копной золотистых кудрей и плечами атлета. На фоне светлых волос и бледной, аристократичной кожи его глаза казались двумя осколками летнего неба – невероятно яркими и насмешливыми.

– Это твоя новая подружка? – Демьян нагло, с нескрываемым интересом оглядел Роксану с ног до головы. Его взгляд был бы оскорбительным, не будь в нём детского, почти звериного любопытства.

– Роксана, – представилась она, всё ещё пытаюсь унять дрожь в коленях и протянув руку. Парень смотрел на её ладонь несколько секунд оценивающе, а затем всё же пожал её с такой силой, что кости хрустнули.

– Судя по тому, о чём вы болтали, ты совсем ничего не знаешь, – заключил он, отпуская её руку. – С какой ты деревни?

– Я из Лояна! – Девушка старалась сохранить дружелюбие, хотя прекрасно понимала: она – птица не их полета, и это мимолетное знакомство, скорее всего, ни к чему не приведёт. Но это пока. В будущем она будет такой же, как они: одетой в шёлк, с холодным блеском золота на пальцах.

– А, с севера! Я сразу понял по акценту, – Демьян мельком взглянул на Лили, будто ища её одобрения.

– Так ты упомянул красных...

– А, да! Это... все остальные, – он отмахнулся, быстро и небрежно, снова поймав взгляд Лили. – Обычная магия, без всяких там изысков. Солдаты, ремесленники-чародеи, деревенские ведуны. Основа и расходный материал.

– Спасибо за просвещение, – Роксана насильно выдавила улыбку. Его показная симпатия к дочери министра была такой очевидной, что её невозможно было не заметить. – Я, вероятно, выгляжу полной дурой.

– Ты в стенах великой академии Годжо, – с напускной важностью провозгласил Демьян, хлопая её по плечу так, что она едва устояла. – Здесь тебя научат всему, что должна знать порядочная колдунья!

– Тебе разве не пора собирать свою буйную ватагу? – Лили сложила руки на груди, изображая строгость, но уголки её губ подрагивали.

– Как всегда, хочешь поскорее от меня избавиться, – вздохнул он с театральной скорбью. – Что ж, я позволю тебе это, моя прекрасная Лилия! – Он смотрел ей прямо в глаза, пытаясь поймать её взгляд и очаровать его нагловатой улыбкой.

– Я не твоя! – отрезала она, но хищное прищуривание смягчилось.

– Приятно было познакомиться, Роксана из Лояна! – крикнул Демьян уже на ходу, удаляясь так же стремительно, как и появился.

– Ты ему нравишься, – заметила Роксана, как только он скрылся из виду.

– Что? – Лили оторвалась от наблюдения за его спиной.

– Ты. Ему ты нравишься. Разве не поняла? – Роксана улыбнулась, видя, как её слова вызывают на щеках подруги лёгкий, но явный румянец.

– Скажешь тоже! – Лили громко фыркнула, отводя взгляд.

– А тебе он тоже нравится, – мягко настаивала Роксана. – И это хорошо. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на недомолвки и чужие ожидания.

– Он – принц. Младший, не наследник, но всё же... Отец прочит мне брак со старшим. А моё мнение... – она замолчала, сжимая пальцы.

– Оно – важно! – Роксана повернулась к ней, и в её глазах горела редкая в последнее время искренность. – Я, быть может, и не из богатой семьи, мой отец не министр, и да, я, наверное, не понимаю всей ответственности, что лежит на твоих плечах. Но твоё мнение, твоё желание – это единственное, что по-настоящему имеет значение, Лили! – Она коснулась плеча новой знакомой, и её голос дрогнул. – Эта жизнь не повторится. И делить её с тем, кто тебе не по сердцу... это самая большая глупость, которую только можно совершить.

– А родители? – Лили спросила быстрее, чем успела подумать, и тут же на её лицо налетела легкая досада от собственной бестактности.

Роксана не обиделась. К этому вопросу она давно привыкла. Её улыбка стала совсем призрачной.

– Я ничейная. Подкидыш. Как любил говорить староста деревни, меня оставили у дверей его дома в одну из самых лютых зим. В плетёной корзине, без записок, без украшений – лишь жалкая пелёнка да тонкое, дырявое одеяло, в котором я чуть не замёрзла насмерть. – Она говорила ровно, будто пересказывая чужую историю. – Я росла сама по себе. Деревенские... они были не злыми. Подкармливали иногда, учили какому-то ремеслу из жалости... – она замолчала, подбирая слова. – Но всё же сторонились. А я... а я сторонилась их в ответ. Мой дом стоит на самом выселке, подальше от всех. Там тихо.

– И потому ты сбежала сюда? От одиночества? – Лили повернулась к девушке, и на её лице было неподдельное, хоть и сдержанное сочувствие.

– Нет. Я... я чувствую в себе что-то странное. Что-то, чего не понимаю и не могу контролировать. Что-то, отчего у меня по ночам горят ладони, а в тишине я слышу шёпот, которого нет. Решила, что здесь, в величайшей академии, наверняка должны знать, что со мной не так. – Она беспомощно пожала плечами, её взгляд скользнул по толпе адептов, таким уверенным в своём предназначении.

– И ты не ошиблась! Раз ты здесь, значит, в тебе есть дар. Настоящий! – Лили улыбнулась, и в её улыбке была ободряющая сила.

– Теперь осталось только узнать, какой именно, – с горьковатой иронией ответила Роксана, и девушки обменялись понимающими взглядами.

Их момент уединения был грубо прерван.

– Внимание! Внимание, адепты! – На невысоком возвышении в центре зала появился сутулый мужчина в таких же серых одеждах, что и у регистратора. Он беспомощно размахивал руками, пытаясь перекрыть гул. Видно было, что роль глашатая даётся ему с огромным трудом. – У каждого из вас в руках листок с результатом теста! Прошу разделить на группы согласно цвету вашей стихии! Оранжевые – к оранжевым, синие – к синим, и так далее!

Толпа немедленно пришла в движение, превратившись в бурлящий муравейник. Гул голосов сменился перекрикиваниями и окликаками. Многие, кто уже успел найти «своих», уверенно направились к своим группам; другие, как Роксана, замерли в нерешительности.

– Ладно, увидимся на вечерней трапезе! – крикнула Лили, легко улыбнувшись, и растворилась в потоке людей, устремившемся к собравшимся «огненным» адептам.

Роксана осталась одна. Она снова развернула свой лист. Вглядываться в него не было смысла – всё тот же зловещий чёрный клякс, пожирающий желтоватую бумагу. Рассказ Лили прояснил всё с пугающей окончательностью. Она не принадлежала ни к одной из этих цветных, шумных групп.

Сжав дрожащие пальцы в кулак, она пробилась к сутулому магу и протянула ему злополучный листок.

– Простите, господин... вы не могли бы расшифровать написанное? Я... я не могу разобрать.

Мужчина почти вырвал листок из её рук, пробежал по нему глазами – и замер. Его лицо, до этого выражавшее лишь усталое раздражение, мгновенно стало напряжённым и непроницаемым. Он резко сунул листок в складки своей мантии.

– Ты – за мной! – бросил он коротко и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь, к неприметной двери в глубине зала.

Роксана инстинктивно обернулась, пытаясь в последний раз найти в толпе хоть один знакомый взгляд, хоть Лили, но её нигде не было. Мужчина удалялся быстрыми шагами. Медлить было нельзя.

Как только дверь захлопнулась за её спиной, мир изменился. Давящий шум толпы сменился гробовой, звенящей тишиной. Они оказались в величественном, пустынном коридоре. Высокие своды терялись в полумраке, по стенам стояли застывшие в вечном молчании каменные изваяния магов и героев прошлого, а через высокие витражи лился цветной свет, рисующий на отполированном каменном полу причудливые узоры. Она словно попала в одну из тех сказок о принцессах и героях, что рассказывали у камина в Лояне, но теперь сама стала их частью.

– Куда мы идём, господин? – почти взмолилась она, нагоняя его.

Ответа не последовало. Он лишь свернул к массивной дубовой лестнице, покрытой густым алым ковром, поглощающим любые звуки.

– Пожалуйста, вы можете мне ответить? – её голос дрогнул, выдавая страх, который клубком подкатывал к горлу. Её вели в неизвестном направлении, не отвечая на вопросы, как преступницу. Но здравый смысл, последний оплот спокойствия, упрямо твердил: «Ты в столице. В великой академии Годжо. Что плохого они могут сделать с новоиспечённой адепткой?»

Ответ, который тут же родился в глубине сознания, был простым и пугающим: «Всё, что угодно».

Мужчина остановился перед массивной дверью из чёрного, почти смолистого дерева, испещрённого причудливыми, словно живыми, орнаментами. Местами древесину подчёркивали и скрывали тонкие пластины холодного кованого железа. Он постучал – не слишком громко, но и не тихо, с той мерной уверенностью, что предписывает протокол. Его рука лежала на поверхности уверенно, но сбивчивое, неровное дыхание выдавало нервное напряжение. Казалось, сама дверь излучала ледяное, давящее спокойствие.

– Войдите! – донёсся из-за двери приглушённый, но чёткий голос.

Сопровождающий тотчас потянул за тяжелую литую ручку, и дверь с тихим, протяжным скрипом отворилась, впуская их в иное пространство.

Роксана переступила порог, и её охватило чувство, будто она попала в логово древнего могущественного зверя. Кабинет был огромен, выдержан в тёмных, глубоких тонах дуба и чёрного дерева, а под ногами расстился густой багровый ковер, поглощающий звуки. Высокие арочные окна упирались в потолок, их скрывали тяжёлые портьеры из ночного бархата. Повсюду, от пола до самого свода, вздымались стеллажи, ломящиеся от фолиантов в потёртых кожаных переплетах. Воздух был густым и пряным, пахло старой бумагой, воском и дымом от поленьев, тихо потрескивавших в огромном камине.

За массивным рабочим столом, заваленным свитками и бумагами, сидел мужчина. Молодой. На вид – не более тридцати. И хотя Роксана уже догадалась, в чей кабинет её привели, её мозг отказывался верить, что знаменитый Намтар Морель, легендарный реформатор и грозный воин, мог быть столь молод. И, как шептали сплетни, он действительно был чертовски красив. Острые, будто высеченные резцом черты лица, пронзительные глаза цвета чёрной ночи, короткие, уложенные с небрежной элегантностью волосы цвета тёмного золота.

– Ваша светлость, – сопровождающий почтительно передал листок Намтару и, получив молчаливый кивок, ретировался.

Мгновение в кабинете царил тишина, нарушаемая лишь треском огня. Затем Намтар совершил лёгкий, почти небрежный взмах рукой – и дверь за спиной Роксаны бесшумно закрылась. Теперь они остались одни. Девушка невольно тёрла влажные ладони о грубую ткань платья, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она понимала с животной ясностью: перед ней – хищник, высший в этой пищевой цепи. А она – перепуганная овечка, чья шея может быть перекушена в одно мгновение.

– Не стоит бояться. Присядь, – его голос не был ни угрожающим, ни добрым. Он был... констатирующим, как удар метронома.

Роксана послушно опустилась на край кожаного кресла, плотно сжав колени. Её спина вытянулась в неестественно прямой, напряжённой струне, каждым мускулом ощущая исходящую от него власть.

– Я – герцог Намтар Морель, директор этой академии, – он неспешно поднялся, сложив изящные, сильные руки за спиной. Его осанка, каждый жест дышали безраздельной властью.

– Р-рада познакомиться с вашей светлостью, – выдохнула она, и собственный голос показался ей писком испуганного зверька.

– Тебя привели сюда потому, что твой тест оказался... исключительно интересным, – Намтар медленно приблизился и непринужденно облокотился о край стола, оказавшись прямо перед ней. Его чёрные глаза скользнули по листку, а затем устремились на неё, и ей показалось, что они видят не её саму, а что-то глубже – самую суть, сокрытую в её крови и костях. – Щит. Один на миллион.

– Я-я бы хотела быть лекарем! Или оракулом! – слова вырывались пулемётной очередью, подгоняемые страхом, который нашёптывала ей история Лили. – Я довольно неплохо разбираюсь в травах и гаданиях!

– Не сомневаюсь в твоих разнообразных талантах, – его тон был ровным, почти насмешливым. – Но результат есть результат, Роксана Лагос. Твой дар редок и ценен. Я не могу просто проигнорировать то, что здесь написано. – Он усмехнулся, уголок губ приподнялся, но глаза остались холодными. Он аккуратно, почти бережно сложил листок.

– У меня нет ни малейшего желания умирать, ваша светлость... – начала она, но он мягко, почти вежливо прервал её коротким, тихим смешком.

– Принудить тебя силой я не могу и не стану, Роксана. Ты стоишь на распутье. Остаться здесь, в безопасности этих стен, чтобы постичь свою природу и обрести контроль над ней... или уехать обратно в Лоян. Выбор – только твой. – Он сделал паузу, давая этим словам просочиться

в её сознание, словно яд. – Но я обязан тебя предупредить. Когда придёт время войны – а оно придёт, в этом нет ни малейшего сомнения, – тебя достанут из самой глубокой и тёмной норы. И тогда уже никто не будет спрашивать твоего согласия. Тебя прикуют цепями и заставят делать то, что будет нужно королевству, пока от тебя не останется лишь горстка пепла.

Роксана нервно слотнула. Где-то в глубине, под ложечкой, завязался тугой, холодный узел, и волна тошноты медленно, неумолимо поползла вверх. Он не угрожал. Он просто рисовал будущее. И от этой неумолимой правоты становилось ещё страшнее.

– Вы отвечаете за армию... и только вы знаете о моём даре, – её голос был тихим, придавленным тяжестью осознания. Не таким она представляла своё будущее – не игрой в щит, разменной монетой в чужих войнах.

– Ты не глупая девушка, Роксана. Я уверен, ты примешь единственно верное решение, – мужчина сложил руки на груди, и его чёрные глаза, казалось, видели не только её дрожащие пальцы, но и сам ход её мыслей, всю внутреннюю борьбу.

Роксана опустила голову. Хотелось плакать, но слёзы словно выгорели изнутри, оставив лишь горький пепел. Она могла бы злиться на этого герцога, винить его в своей участи, но это была бы ложь. Это она сама, ослеплённая жаждой денег и шелков, приехала сюда, сама подставила палец под иглу. И теперь на кону стояла не сытая жизнь, а сама её жизнь. Бежать? Вернуться в глушь и жить в неведении? Но день, когда за ней придут, всё равно настанет – внезапно и бесповоротно. А здесь... здесь у неё был шанс. Овладеть даром, понять его силу, узнать правила игры и, быть может, в критический момент найти лазейку. Казалось бы, сложный выбор в одночасье стал простым и безрадостным. Жить в ожидании петли она не могла. А значит, её судьба отныне была связана с этим местом.

– Я вижу, ты приняла решение, – в голосе Намтара прозвучала тихая, но безошибочно узнаваемая удовлетворённость.

– У меня есть условие! – Роксана резко подняла голову и стиснула зубы с такой силой, что челюсти свело. Её дар редок. Он нужен им. А значит, у неё есть крохотная, но реальная власть торговаться.

– Ты быстро поняла, как здесь всё устроено. Что ж, я слушаю, – его улыбка растянулась, приобретая коварный, почти хищный оттенок.

– Для всех я буду «красной». О моём истинном даре будете знать только вы. Никто больше, – Роксана затаила дыхание, ожидая взрыва или насмешки.

Намтар на мгновение отвёл взгляд к камину. Дрова уже прогорели, но угли всё ещё пылали в его глубине, отливая багровым и алым, словно раскалённое железо. Тепло от очага было единственным живым и неконтролируемым явлением в этом кабинете.

– Что-то ещё? – его голос был ровным, как поверхность озера в безветренный день. Угадать его мысли было невозможно.

– Да. Отдельная комната. С собственной ванной, – выпалила она.

На это он кивнул сразу же, и на его губах вновь мелькнула та же ускользающая улыбка. Её просьба, такая бытовая и наивная на фоне их разговора о судьбах и войнах, явно его позабавила. Он видел перед собой юную, неопытную девчонку, цепляющуюся за призраки комфорта, словно за соломинку. Он видел эту наивность, которую очень скоро выжгут из неё тренировки и знание правды, превратив в ещё один винтик в его безупречном механизме.

– Хорошо, – мужчина щёлкнул пальцами, и дверь бесшумно отворилась. В проёме, как тень, возник сопровождающий. Он замер, не проронив ни звука, ожидая приказа.

– Отведи Роксану в западное крыло. Комната на третьем этаже, та, что в самом конце коридора, будет ей в самый раз, – Намтар уже вернулся к своей стопке бумаг, будто только что решал вопрос о поставке продовольствия, а не судьбу человека.

– Ваша светлость, – мужчина склонил голову и жестом указал Роксане на дверь.

– И да, Лагос... – голос герцога остановил её уже в дверном проёме. Она обернулась. – Днем ты будешь изучать искусство целительства. А ночами... ночами ты будешь принадлежать мне. Вернее, своему дару. Тебе придётся выкладываться полностью, чтобы развить его. Я пришло за тобой. А пока что... отдыхай.

Он больше не смотрел на неё, его внимание было полностью поглощено документами. Разговор был окончен. Отведённое ей время истекало.

Стиснув зубы так, что в висках застучало, Роксана вышла в коридор. Её безмолвный спутник повел её прочь от административного крыла, через холодный, продуваемый ветрами крытый мост, соединявший здания. Они поднялись по узкой винтовой лестнице, и наконец он открыл неприметную дверь в самом конце длинного, пустынного коридора на третьем этаже.

Она вошла внутрь. Дверь с глухим, окончательным щелчком закрылась за её спиной, отсекая мир, в котором у неё ещё был выбор. Теперь это был её новый дом – роскошная клетка и одинокая крепость.

– Собрание новых адептов состоится сегодня в семь. В шкафу вы найдёте форму. Вам следует переодеться и явиться в срок, – безличный голос за дверью произнёс эти слова, и тут же послышались удаляющиеся шаги.

Роксана медленно обвела взглядом комнату. Она оказалась более чем приличной – просторной, с добротной тёмной мебелью, огромной двуспальной кроватью, письменным столом и стеллажами, жаждущими заполниться книгами. В углу она заметила неприметную дверцу. Толкнув её, она проникла в смежное помещение и застыла на пороге. Белоснежная ванная комната с фарфоровой чашей, туалетом и раковиной под ажурным зеркалом в позолоченной оправе – о такой роскоши она лишь слышала обрывки рассказов от тех, кому довелось ночевать в столичных постоялых дворах за немалые деньги. Её дом в Лояне был маленьким и бревенчатым, с туалетом во дворе и необходимостью таскаться в общую деревенскую баню раз в неделю. Теперь же она, Роксана-ничейная, обладала тем, о чём многие могли лишь мечтать. Она повернула кран, и из него с шипением хлынула горячая вода. Она подставила ладонь под струю, и внутренний, затравленный ребёнок в ней ликовал от восторга, но общее состояние оставалось тяжёлым, будто на груди лежал камень.

Скинув с себя дорожную, пропылённую одежду, она нашла в тумбочке душистое мыло и стопку густых, белоснежных полотенец. Опустившись в горячую воду, закрыла глаза. Мечты сбываются, и это было лишь началом. Горькая, ироничная улыбка тронула её губы. Она на несколько секунд погрузилась с головой, пытаясь смыть прошлое, а затем решительно вынырнула, смахивая с лица мокрые пряди волос.

Вымывшись до скрипа, вернулась в комнату. В шкафу висели несколько комплектов формы: два – из плотной шерсти для повседневной носки, и два – из эластичной, дышащей ткани для тренировок. На нижней полке аккуратно стояли две пары ботинок – добротные кожаные и более лёгкие, спортивные.

Внезапно в дверь постучали. Плотнее прижав к груди полотенце, она приоткрыла её. На пороге стоял незнакомый слуга, бесстрастный, как статуя.

– Ваши вещи, – бросил он и, сбросив её потёртый дорожный мешок на пол, развернулся и быстро зашагал прочь.

Роксана втащила сумку внутрь и снова закрылась.

– Совсем забыла, что приехала не с пустыми руками, – пробормотала она себе под нос.

Подойдя к шкафу, она аккуратно развесила свои немногочисленные платья, а остальное вывалила на стол. Стекланные пузырьки с зельями и снадобьями закатились во все стороны, а терпкий, горьковато-сладкий аромат сушёных трав мгновенно наполнил комнату, словно кусочек её прошлого прорвался в новую, стерильную реальность.

Переодевшись в новую форму – прохладную и чуть пахнущую крахмалом, – она встала перед зеркалом. Почти высохшие волосы торчали во все стороны, и она, прикусив губу, ловко заплела их в две толстые косы, уложила на затылке и заколола шпильками.

– Так-то лучше, – с лёгкой улыбкой она покрутилась перед отражением. Чёрная форма сидела на ней безупречно, словно была сшита по мерке. Это было странно и настораживающе. Хотя... разве в академии магии что-то вообще может быть просто «странным»? Ботинки оказались чуть тяжеловаты, но неудобными их назвать было нельзя.

Вернувшись к столу, она тщательно разложила пузырьки в привычном ей порядке, а пучки трав развесила для просушки на крошечном балкончике, рассчитанном, казалось, лишь на одно плетёное кресло.

– Пора выходить, – вздохнула она, собираясь с духом.

Покидая комнату, она заметила на столе маленький бронзовый ключ – очевидно, оставленный для неё тем самым безмолвным сопровождающим. Сунув его в карман, она вышла в коридор. Куда идти, она не знала, и могла лишь надеяться наткнуться на кого-нибудь по пути. Но, как назло, каменные своды были пусты и безмолвны. Она бродила по бесконечным, похожим друг на друга коридорам минут пятнадцать, а то и больше, и с каждой минутой чувство потерянности и тревоги нарастало.

– Эй! Ты новенькая? – Обернувшись на мужской голос, Роксана увидела подходящего по коридору парня. Он был её лет, может, на пару старше. Через его плечо была небрежно перекинута мантия насыщенного фиолетового цвета, сразу выдававшая в нём адепта-«молниевержца».

– Да, – с облегчением ответила она, намеренно делая голос чуть более наивным. – Меня поселили на третьем этаже и сказали прийти на собрание, а как дойти – не объяснили! – она развела руками, изображая легкую, почти глуповатую растерянность.

Парень остановился в паре шагов, оценивая её взглядом. Невысокий, всего на полголовы выше её самой. Черты лица были обычными, если бы не нос – тонкий, но с выраженной горбинкой и крупный, он напоминал хищный птичий клюв.

– На третьем? – он непроизвольно нахмурился, и его взгляд на мгновение метнулся в сторону, словно проверяя, не ослышался ли он.

– Сказали, что в общем крыле мест нет и это единственная свободная комната, – тут же, с испуганно округлёнными глазами, подхватила Роксана, прижимая ладони к груди в универсальном жесте невинности. – Что-то не так?

– Нет-нет, – поспешно ответил он, поймав себя на проявлении излишней осведомлённости. – Общее крыло и вправду переполнено, в этот раз абитуриентов было невероятно много. Я просто рад, что тебе досталась хорошая комната. Меня зовут Эрик.

– Роксана. Приятно познакомиться, Эрик! – она одарила его самой милой, открытой улыбкой, на какую была способна, и заметила, как аккуратно, почти церемонно, он коснулся её пальцев при рукопожатии. Да, определённо не из деревни. Выходец из хорошей, пусть и не самой знатной семьи, но прекрасно знакомый с правилами этикета.

– Мне тоже! Пойдем, я провожу тебя, – он отступил на шаг, уступая дорогу. Роксана лишь кивнула в ответ и двинулась следом, благодаря его улыбкой.

Эрик сдержал слово, приведя её к огромным резным дверям, за которыми слышался нарастающий гул сотен голосов. Зал кишел адептами. Новобранцев, таких как она, было легко отличить по отсутствию цветных мантий – они стояли кучками, сбившись в стайки перепуганных птенцов.

– Эрик, ты как раз вовремя! Скоро начнётся! – из толпы к ним протиснулся ещё один парень в фиолетовой мантии. Высокий, с плечами борца, он на фоне тщедушного Эрика смотрелся настоящим великаном.

– Роксана! – в этот момент из другой группы к ней подлетела Лили, хватая её за руку с видом заговорщицы.

– Ого, в этом году первокурсницы довольно ничего себе! А? – здоровяк широко и самоуверенно ухмыльнулся, подмигнув и подтолкнув Эрика локтем в плечо.

– Не советую вам даже смотреть в их сторону, – холодный, как сталь, голос Демьяна прозвучал прямо за их спинами. Он материализовался из воздуха, как тень, и встал между девушками и двумя фиолетовыми мантиями, заслонив их собой.

– М-да, конечно, – лицо великана мгновенно вытянулось. Он нахмурился и, бросив на Демьяна злой взгляд, нехотя поплёлся прочь, увлекая за собой смущённого Эрика.

– Ого, – с лёгким изумлением выдохнула Роксана, впечатлённая скоростью и эффективностью его вмешательства.

– И ты будешь таскаться за мной весь вечер? – брови Лили грозно сошлись на переносице, её пальцы всё ещё сжимали запястье Роксаны.

– Твой отец лично просил меня присматривать за тобой, чем я, собственно, и занимаюсь, – парировал Демьян, прищурившись с видом оскорблённой невинности. – Лучше бы спасибо сказала!

– За собой смотри! Мне твоя удушающая опека на фиг не сдалась! – фыркнула Лили и, всё ещё не отпуская Роксану, потащила её в самую гущу толпы, оставив Демьяна позади. – Наш стол – вон тот! Скоро будет церемония вручения мантий. Видишь другие? – она указала на расставленные по залу длинные столы. Одни были больше, другие меньше, но все они чётко делились по цветам: островки оранжевого, синего, серого и коричневого.

– То есть... мы должны будем сесть за стол в соответствии с цветом нашей будущей мантии? – уточнила Роксана, задавая очевидный вопрос, на который Лили лишь утвердительно кивнула. – Слушай, а где ты была? Я искала тебя в общем крыле, но никого не нашла.

– А, мне сказали, там нет мест, и поселили на третьем этаже, в западном крыле, – пожалала плечами Роксана, стараясь говорить как можно небрежнее.

– Вот чёрт! – глаза Лили расширились от удивления и... зависти? – Тебя поселили в крыло для преподавателей и... избранных? Сложновато будет тебе сбегать после отбоя!

– Сбегать? – Роксана приподняла бровь, в её голосе зазвучало неподдельное любопытство.

– Это место только с виду такое грозное и строгое, – с хитрой улыбкой понизила голос Лили. – По ночам здесь бывает очень весело! Сегодня, например, старшие курсы устраивают для нас вечеринку – нечто вроде неофициального посвящения. Мы обязаны пойти! Это традиция! – её глаза блестели от предвкушения настоящей, вольной академической жизни.

– Опыт пробираться незамеченной у меня есть! – Девушки переглянулись и рассмеялись, и в этом смехе был отзвук недавно обрётённой, хрупкой дружбы.

– Я тоже пойду! – Демьян, словно тень, бесцеремонно подсел к ним и положил руку на талию Лили. Роксана замерла в ожидании, что та сейчас же резко оттолкнет его, но ничего не произошло. Лили лишь напряглась, сделав вид, что не заметила его фамильярности, но лёгкий румянец выдавал её смущение.

– Ты волен делать всё, что пожелает твоя королевская душонка! – Лили бросила на него колкий взгляд, и в каждом её слове слышался не просто яд, а горечь отчаяния. Ей приходилось отталкивать того, кто ей нравился, и этот внутренний разрыв был мучителен. Долг, дом, ожидания семьи – всё это стояло между ними прочной стеной. Роксана тяжело вздохнула, глядя на них. Она всегда мечтала о достатке и положении, но сейчас ясно видела: иметь «всё» часто значит потерять единственное, что по-настоящему ценно – свободу быть собой. И эту свободу она не продала бы ни за какие сокровища.

– О, я знаю. Но спасибо, что напомнила, моя прекрасная Лили, – Демьян словно не замечал её колкостей. А может, замечал, но понимал истинную причину – ту боль, что заставляла её строить стены. Его взгляд на мгновение смягчился, выдав это понимание.

– Я не тво... – начала она, но он мягко прервал её.

– Тсс, всё. Начинается! – Он повернулся к сцене, и Лили, сжав кулаки под столом, устремила взгляд вперёд, на преподавательский стол. Лица учителей были угрюмы и серьёзны. Ни одна улыбка не озаряла их. Почему? У Роксаны не было ответа. Намтар сидел в центре, и его пронзительные чёрные глаза, казалось, сканировали зал, отмечая каждую мелочь, каждый вздох.

К трибуне неспешно подошла женщина в белой преподавательской мантии. Круглые очки сползли на кончик носа, а седые волосы были уложены в небрежный, но сложный узел, напоминавший скорее птичье гнездо. Вид у неё был эксцентричный, но не лишенный своеобразного обаяния.

– Я – мадам Мелиса Рофус, глава отделения целителей, – её голос, чистый и звонкий, легко заполнил зал. – Но сегодня мне выпала честь вручить мантию новому поколению адептов! – Она обвела зал пронизательным взглядом, и под его тяжестью последние шепотки смолкли.

– Я буду вызывать вас по одному, так что будьте внимательны! – Женщина поправила очки, откашлялась и, взяв в руки длинный свиток, произнесла первое имя.

Первой оказалась худенькая, бледная девушка, которая, казалось, готова была провалиться сквозь пол от смущения. Но она пошла. Мадам Мелиса с торжественной важностью накинула на её плечи синюю мантию и вручила небольшой плотный конверт, после чего кивком указала на стол «водников». Громкие аплодисменты и одобрительные возгласы на мгновение заполнили зал.

Роксана скользнула взглядом по периметру зала, и её внимание привлекло движение в самом углу, в глубокой тени под аркой. Там, за небольшим отдельным столом, сидел адепт в мантии цвета ночи без звёзд. Щит. Роксана инстинктивно затаила дыхание. Рядом, за соседним, таким же малым столом, сидели двое, облачённые в болотно-зелёное. Некроманты. Они и здесь, на празднике, были изгоями, отшельниками даже в собственной академии.

– Зачем они вообще пришли? – пробормотал Демьян, проследив за её взглядом. – Будь среди новобранцев щит или некромант, об этом трубили бы все колокола.

– Они – часть этой академии, наши будущие соратники, – с лёгким укором возразила Лили. – Этот праздник по праву и их тоже.

Роксана снова обернулась к ним. Лиц не разобрать, они сидели недвижимо, как изваяния, наблюдая за церемонией со стороны, будто через толстое стекло.

– Думаю, таким, как они, и впрямь лучше держаться от нас подальше, – поморщился Демьян. – Одни в трупах копаются, а вторые... жутко странные. Настоящей, яростной силы у них нет, но вид у них леденящий душу.

– Не носи ерунды, – строго посмотрела на него Лили. – Некроманты и щиты – это первые, кого бросают на самые гибельные участки фронта. Их жертва позволяет таким, как ты, оставаться в живых.

– Да, и всё же... – Демьян вздрогнул, и в его голосе впервые прозвучала не наигранная, а настоящая, глубокая неприязнь. – Я не хочу, чтобы они ошивались среди нас.

– Лилианна Монтгомери! – громко объявила мадам Мелиса.

Услышав свое имя, Лили вспыхнула, её мрачные мысли мгновенно развеялись. С гордо поднятой головой и широкой, сияющей улыбкой она направилась к сцене. Мадам Рофус с той же торжественностью возложила на её плечи огненно-оранжевую мантию и вручила заветный конверт. Демьян, забыв о своей брезгливости, закричал и захлопал громче всех, с такой силой, что его ладони наверняка покраснели. Поймав его взгляд, Лили на мгновение позволила себе

смущенную, искреннюю улыбку, прежде чем направиться к столу «огненных», занимая своё законное место среди них.

– А какова твоя магия, Демьян? – спросила Роксана, внезапно осознав, что за всей этой мишурой светских перепалок она так и не узнала, кто он в мире даров.

– Я красный, – ответил он, и в его глазах мелькнула озорная искорка. – Но не простой. Достаточно коснуться кого-либо, чтобы увидеть мир его глазами... или прочесть всё, что прячется за его мыслями. – Он протянул руку, как бы собираясь дотронуться до её запястья, и Роксана инстинктивно отпрянула, прижав руки к груди.

– Аха-ха! Не беспокойся, это происходит не от каждого прикосновения, – он рассмеялся, ирииво пошевелив пальцами в воздухе. – Только когда я этого захочу.

Чем больше Роксана на него смотрела, тем меньше понимала. Как принц крови, наследник одной из самых могущественных династий, мог быть таким... беззаботным? Это была маска? Или же его положение младшего, не обременённого грузом престолонаследия, позволяло ему быть просто человеком?

– Роксана Лагос! – имя, огласившее зал, заставило её вздрогнуть. Демьян тут же оживился, подбадривающе подмигнув ей.

Роксана поднялась, крепко сжимая дрожащие пальцы. Сердце бешено колотилось где-то в горле, но с каждым шагом по направлению к мадам Мелисе волнение отступало, сменяясь холодной, почти отрешённой собранностью. Она чувствовала на себе сотни взглядов.

– Вот так, поздравляю, дитя, – мадам Рофус с тёплой, ободряющей улыбкой возложила на её плечи сложенную мантию. И в тот миг, когда ткань расправилась, тяжёлая и прохладная, Роксана замерла. Не алая, как у всех «красных». Не синяя или оранжевая.

На её плечи легла мантия цвета густой, бездонной ночи. Абсолютно чёрная.

По залу прошёл сдавленный, нарастающий гул. Это был не радостный гомон, а шёпот шока и недоумения. Роксана, побледнев, инстинктивно обернулась, её взгляд упёрся в герцога Намтара. Тот сидел непринуждённо, откинувшись на спинку кресла, и на его губах играла та самая коварная, знающая ухмылка. Он предал ее. С первого же дня.

– Вот, держи, – тихо, с лёгкой жалостью в голосе, прошептала мадам Мелиса, сунув ей в онемевшие пальцы конверт и мягко подтолкнув обратно в зал. Женщина выглядела растерянной, будто и сама не ожидала такого исхода.

– Эгей! Поздравляем! – одинокий голос Лили прозвучал неестественно громко в повисшей тишине и тут же утонул в ней. Роксана подняла на подругу взгляд. Та широко, почти судорожно улыбалась, но в её глазах читался тот же шок и полное непонимание.

Роксана прибавила шагу, чувствуя, как жгучий стыд и ярость поднимаются к горлу. Ей хотелось лишь одного – как можно скорее скрыться, утонуть в самой тёмной тени этого проклятого зала.

Она опустила за свой стол – маленький, отдельно стоящий. Единственный, покрытый чёрной скатертью. Перед собой она механически положила конверт с собственным именем. Осторожно подняв глаза, она встретилась взглядом с тем самым адептом – единственным другом, таким же, как она. Он был бледен, как лунный свет, его волосы были чернее самой мантии. Под густыми, прямыми бровями горели яркие фиолетовые глаза – они словно мерцали в полумраке, как далекие, холодные звезды. Он был широк в плечах, явно высокого роста, с телом воина – на его сильных руках виднелись мозоли, говорящие о долгих часах тренировок с оружием.

– Я Роксана, – тихо сказала она, через стол протягивая ему руку в жесте отчаянной, искренней попытки найти союзника в этом новом, враждебном мире.

Он медленно перевёл на неё свой пронзительный взгляд, скользнул им по её ладони, а затем так же медленно, с ледяным безразличием, отвернулся, устремив взгляд на продолжающуюся церемонию. Он проигнорировал её, как досадную муху.

– Очень приятно, – сдавленно пробормотала она себе под нос, сжимая кулаки на коленях. Она повернулась к залу. Все уже забыли о ней. Аплодисменты, смех, искренние поздравления – всё это теперь относилось к другим. Она стала изгоем. Такой же, как эти двое в зелёном, сидящие неподалеку.

Дальнейшая церемония прошла для неё как в густом тумане. Имена смешались в один невнятный гул. Ничто больше не имело значения. Ее жизнь перевернулась в одно мгновение, благодаря тому, кто сидел на возвышении и спокойно потягивал вино, будто раздавал не судьбы, а игральные карты. На этой мысли она бросила на герцога новый взгляд – острый, как клинок. Её пальцы с такой силой впились в колени, что даже сквозь ткань формы ногти оставили на коже красные следы. Он не замечал ее, наблюдая за распределением с видом полнейшего удовлетворения.

– Ты покраснела. Тебе нехорошо? – тихий, слегка визгливый голос донёсся слева.

Роксана повернула голову. Один из некромантов, тот, что поменьше ростом, как ей показалось, с хитрой ухмылкой помахал ей пальцами.

– Эй, оставь ее. Она явно расстроена и не хочет разговаривать, – его одёрнул второй, сидевший рядом.

Они были поразительно похожи – как две капли воды. Те же острые подбородки, те же светлые, почти бесцветные волосы и пронзительные зеленоватые глаза. Даже голоса звучали в унисон. Близнецы. Одна магия на двоих. Какая насмешка судьбы.

– Всё в порядке, спасибо, что спросил, – Роксана с усилием поджала дрожащие губы, пытаясь взять себя в руки.

– Я Лео, а это Тео! – бойко отозвался тот, кто первым нарушил ледяную завесу молчания вокруг их стола.

– Роксана. Рада знакомству, – девушка попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой и болезненной.

– Ты не знала, что... ну... тебе наденут чёрную мантию? – Тео бросил быстрый, почти украдкой, взгляд на безучастного мужчину напротив.

– Если она так расстроена, значит, не знала! Это же очевидно! – Лео округлил глаза, смотря на брата с укором.

– Я знала, – тихо призналась Роксана, глядя на свои руки. – Просто... я так хотела быть врачом. – Лёгкая, горькая усмешка сорвалась с её губ – жалкая попытка успокоить саму себя.

– Какое странное желание, учитывая твой дар, – Лео неподдельно удивился, его брови сошлись домиком на переносице.

– Вероятно, – коротко бросила Роксана и снова посмотрела на мужчину напротив. Но тот продолжал сидеть, словно изваяние, абсолютно безучастный к их разговору, погружённый в свои мысли или просто в своё презрение ко всему окружающему.

Близнецы ещё что-то говорили, но Роксана уже не слышала. Она погрузилась в себя, пытаясь осознать, что же ждёт её впереди. Как сложится жизнь? Как теперь выйти сухой из воды? Герцог уверен в неотвратимости войны, а значит, у неё не так много времени, чтобы не только освоить свой дар, но и придумать план, как избежать участи расходного материала. Мысль о побеге, острая и соблазнительная, пронзила её. Роксана вздрогнула, инстинктивно обняла себя за плечи, пытаясь согреться, и несколько раз глубоко, с дрожью, вздохнула.

Шум в зале внезапно стал громче и оживлённее. Очнувшись, она поняла – церемония закончилась. Девушка поднялась, почти швырнув конверт в карман мантии. Её взгляд забегал по залу в поисках Лили. Ей отчаянно хотелось увидеть знакомое лицо, услышать что-нибудь ободряющее, но подруги нигде не было.

Вместо неё она заметила герцога. Он неспешно шёл через зал прямо в её направлении, по пути милостиво кивая и удостаивая парой слов адептов, которые смотрели на него с обожанием и благоговением.

– Поздравляю, Роксана, – Намтар Морель остановился перед ней, протягивая изящную руку.

Роксана смотрела на его ладонь, чувствуя, как внутри всё закипает от ярости и унижения. Она подняла на него взгляд, не в силах сдержать горькой, разочарованной усмешки.

– Вы обманули меня, – прошипела она, сама удивляясь собственной смелости, но сдерживать себя больше не было сил.

– Мои решения не обсуждаются, – его голос оставался спокойным, но в нём зазвучала сталь. – Тебе лучше запомнить это с самого начала. – Он не стал ждать, пока она примет руку, а сам взял её – его пальцы были сильными и холодными. Она ожидала болезненного, унижительного рукопожатия, но его хватка была просто неотвратимой, как тиски.

– Альтаис будет твоим наставником. Ты будешь делать всё, что он скажет. Время от времени я буду проверять твои успехи, – он говорил ровно, не оставляя пространства для возражений.

Роксана хотела обернуться, но не успела – до этого безучастно сидевший мужчина теперь стоял рядом с ней, возникнув бесшумно, как призрак. Высокий, с телом воина, он излучал ледяной, безразличный холод, словно айсберг, приплывший с самого дальнего севера.

– Разве у меня есть выбор? – она отвела глаза в сторону, сжимая кулаки в карманах мантии.

– Выбор есть всегда, – Намтар коснулся кончиком пальца её подбородка, заставляя её снова встретиться с его чёрными, бездонными глазами. – Просто последствия разного выбора могут кардинально отличаться.

– Я так не думаю, – Роксана резко отступила на шаг, разрывая унижительный телесный контакт.

– Очаровательно, – Намтар улыбнулся, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на интерес. Серая деревенская мышь снаружи, но внутри... внутри спала настоящая волчица. Он был готов сыграть в эту игру. Более того, он предвкушал её.

– Роксана! – Лили, наконец появившись, схватила подругу за руку, но, заметив её собеседников, тут же остолбенела. – Герцог! – она склонила голову, опустив глаза с почтительной почтительностью, которой так не хватало самой Роксане.

– Обучение начнётся завтра, – Намтар перевёл взгляд на Лили, а затем снова на Роксану. – Этим вечером вам всем следует хорошо отдохнуть. Альтаис. – Он лишь взглянул на мужчину, и они, не проронив больше ни слова, двинулись прочь, их фигуры растворились в толпе.

Роксана наконец выдохнула, позволяя плечам расслабиться. Только сейчас она почувствовала боль в ладонях – её ногти до крови впились в кожу, оставив на ней багровые полумесяцы.

– Мне... мне очень жаль, – Лили пришла в себя, её голос дрожал.

– Жаль? – Роксана отстранилась ещё на полшага, чувствуя, как между ними вырастает невидимая стена. – Жаль, что я щит? На мне появилась проказа? Или, может быть, рога выросли? – её голос дрогнул, становясь выше и острее от нахлынувших эмоций.

– Нет! Что ты, всё в порядке... – запнулась Лили, но в её глазах, помимо искреннего сочувствия, Роксана с горечью прочла и нечто иное – смущение и лёгкий, произвольный страх.

– Да, всё в порядке! Нас это совсем не волнует! – Демьян стремительно подошёл и положил руку на плечо Лили, демонстрируя солидарность, которая прозвучала чуть слишком громко, чтобы быть полностью искренней.

– Ты только что в зале говорил, что от «чёрных» лучше держаться подальше! – Роксана всплеснула руками, и в её голосе зазвучала горькая ирония. – А теперь внезапно нет проблем?

– Этот... Бальтазар, или как там его, – отмахнулся Демьян, – он странный и мрачный, как склеп. А ты – нормальная!

– Его зовут Альтаис, – поправила Роксана, невольно вздрогнув при воспоминании о том ледяном, безжизненном взгляде. – И да, он реально пугает.

– Вот именно! Но мы не позволим тебе стать такой же! Идём, нас ждёт улётная ночь, которую ты точно не должна пропустить! – Не дав им опомниться, Демьян энергично потянул Роксану за руку, а затем, размахисто закинув руки на плечи обеим девушкам, повел их к выходу, словно владелец, ведущий свой самый ценный груз.

Его королевское высочество, как оказалось, знал здание академии как свои пять пальцев. Он двигался по бесконечным коридорам и переходам с такой уверенностью, будто провёл здесь не один год. Впрочем, так оно, вероятно, и было – все его старшие братья были выпускниками Годжо, и наверняка Демьян бывал здесь, навещая их.

Он вывел девушек на задний двор, где в лунном свете серелись контуры изысканного сада, полного ночных цветов, чей аромат смешивался с сыростью вечерней травы. Не сбавляя темпа, принц завёл их в высокий лабиринт из идеально подстриженных кустов. Все сомнения в его ориентированности отпали окончательно – он шёл без единой запинки, ни разу не задумываясь на развилках. Солнце давно скрылось, но огромная, почти неестественно яркая луна висела в небе, отливая призрачным серебром на серой от росы траве.

Пройдя лабиринт, они быстро пересекли широкое поле и скрылись в тёмной кромке старого леса.

Едва они переступили границу, отделявшую упорядоченные уголья академии от дикой чащи, как до них донеслись первые звуки – приглушённый ритм барабанов, смех и гул десятков голосов. Заразительный женский хохот становился всё ближе, а между тёмными стволами деревьев начал мелькать отблеск живого огня, говоря о том, что цель уже близко. Наконец Демьян вывел их на огромную поляну. Кроны вековых деревьев смыкались над головой, образуя купол, почти не пропускавший лунного света, создавая ощущение тайной, отделённой от всего мира комнаты. Всё пространство было заставлено столами, ломящимися от угощений. В центре пылал костёр, выбрасывая в ночь снопы искр, а по периметру были расставлены факелы, чья пламя отбрасывало причудливые тени на лица собравшихся.

– Это невероятно! – прошептала Лили, подходя к одному из столов, где в идеальную пирамиду были выстроены изящные бокалы, наполненные жидкостью всех цветов радуги.

– Распределены по цветам мантий! От чёрного к красному! Гениально, правда? – Демьян с торжествующим видом вручил ей бокал с оранжевым, переливающимся как расплавленный янтарь, напитком.

– А что это? – с любопытством спросила Роксана, подходя ближе.

Принц с театральной осторожностью взял самый тёмный бокал, где жидкость была густой и абсолютно чёрной, словно кусочек ночи, и протянул его ей.

– Это «Стикс». Алкоголь, но не простой. Обычный человек, лишённый дара, ничего не почувствует – для него это будет словно стакан воды. Но для нас, в чьих жилах течёт магия... – он многозначительно поднял бровь и одним залпом осушил свой собственный, алый бокал.

Роксана и Лили переглянулись и, поймав азартный огонёк в его глазах, последовали его примеру. На вкус напиток был обманчиво приятным – кисло-сладким, с освежающей мятной ноткой и едва уловимой горчинкой в послевкусии. Сначала ничего не произошло. А затем... волна тёплой слабости разлилась по плечам, смывая часть напряжения. Настроение тут же заметно улучшилось, мир заиграл новыми красками. Очарованная этим ощущением, Роксана потянулась за следующим бокалом – на этот раз с зеленоватым, фосфоресцирующим содержанием.

– Эй, советую не усердствовать так сразу, а то твой вечер закончится, не успев начаться! – Демьян криво ухмыльнулся, наблюдая, как Роксана тянется за вторым бокалом.

– А на вкус – почти ничего! – Лили с удовольствием сделала ещё один глоток, и её щеки уже порозовели.

– В том-то и фокус! Ты можешь пить его хоть до утра, но стоит поспать хотя бы час – и просыпаешься свежим, как огурчик. Никакого похмелья! Так что да, наслаждайтесь. – Парень, словно пойманный ритмом барабанов, поднял руки и, проходя мимо, его бедра начали выписывать замысловатые, почти языческие па. Его движения были удивительно пластичными для принца.

Переглянувшись, девушки улыбнулись. Лили, поддавшись всеобщему веселью, решила не отставать и присоединилась к нему. Роксана же осталась в стороне, прислонившись к стволу старого дуба. Она наблюдала за ними с тёплой, хоть и немного грустной улыбкой. Лили и Демьян... они действительно хорошо смотрелись вместе. Энергичный, беззаботный принц и сдержанная, воспитанная дочь министра. Пара, словно сошедшая со страниц романа.

Они знакомы всего несколько часов, но внутри не было чувства, что они чужие. Скорее, возникало странное ощущение, будто она знает их годами и на них можно положиться. Но так ли это на самом деле, или это лишь иллюзия, рождённая магическим напитком и одиночеством, – покажет только время. А пока она была просто рада, что на своём пути встретила этих двоих.

– Привет! – внезапный голос вернул её к реальности. Перед ней стояли две девушки, довольно милостивые. На одной – синяя мантия цвета морской глубины, на другой – землистая коричневая.

– Привет, – Роксана сделала небольшой глоток из бокала, чувствуя, как по телу разливается приятная теплота.

– Мы тут как раз говорили о щитах и заметили тебя, – девушка в синей мантии улыбнулась, но её улыбка была слишком выверенной, чтобы быть полностью искренней. – Решили, к чему попусту болтать и строить догадки, когда можно просто подойти и спросить!

«Вот оно, начало», – мелькнуло в голове у Роксаны. Она почувствовала лёгкое напряжение, но внешне осталась невозмутимой. Реагировать агрессией – значит сразу поставить себя в позицию затравленного зверька. Нет, лучше сыграть в их игру.

– Если буду знать ответ, конечно же, поделюсь, – её голос прозвучал спокойно и даже дружелюбно.

– Правда ли, что у вас... ну, с головой не всё в порядке из-за вашего дара? – вторая девушка, в коричневой мантии, пристально смотрела на Роксану, её взгляд был изучающим и слегка брезгливым, словно она рассматривала странное насекомое.

– А я веду себя как ненормальная? – парировала Роксана, мягко поднимая бровь. Её тон оставался лёгким, почти шутливым, но внутри всё сжалось в комок.

– Согласна, глупый вопрос, – поспешно сказала первая, одёргивая подругу взглядом. Её интерес явно лежал в другой плоскости. – А что ты знаешь про Альтаиса? Он с тобой говорил? – её глаза внезапно вспыхнули неподдельным, живым любопытством. Они обе замерли в ожидании, буквально ловя каждый ее звук.

«Ага, так вот где собака зарыта», – с облегчением подумала Роксана. Наконец-то у нее появился козырь, пусть и небольшой.

– Его назначили моим наставником, – сказала она, делая вид, что размышляет. – Но мы почти не разговаривали. Мне даже показалось, что он... не в восторге от такой обузы, как я. – Она позволила себе небольшую, понимающую усмешку, как бы приглашая их в круг посвящённых.

– Конечно, не в восторге! – воскликнула девушка в синем, её сдержанность мгновенно испарилась. – Он всё своё время тратит на тренировки! Он бегает и упражняется с мечом на закате, и иногда... – она запнулась, густыми краской заливаясь, и прикусила губу, поняв, что выдала себя с головой.

– Он тебе нравится, – констатировала Роксана, и в её голосе не было насмешки, а лишь лёгкое, подбадривающее понимание. – И знаешь, это совершенно нормально. Стыдиться тут

нечего. Ты красивая. И, я вижу, очень наблюдательная. Может, тебе стоит просто первой заговорить с ним?

– Ох, ты правда так думаешь? – девушка приложила ладони к пылающим щекам, но в её глазах загорелась надежда.

– Она абсолютно права! – тут же подхватила её подруга, уже с восторгом глядя на Роксану как на неожиданную союзницу. – Тебе точно стоит попробовать!

Роксана лишь мягко улыбнулась в ответ, делая вид, что пьет свой «Стикс». Лесть и манипуляция давались ей нелегко, но в этой змеиной яме под названием академия, похоже, иного выхода не было. Нужно было обращать врагов если не в друзья, то хотя бы в нейтральных зрителей.

– Ты можешь навещать меня после занятий, – Роксана сделала паузу, давая словам просочиться в сознание девушки, – так у тебя будет куда больше шансов его случайно встретить. – Она закинула наживку, от которой та вряд ли смогла бы отказаться, играя на её очевидной одержимости.

– Аааа! Правда? Ты такая умная... э... – девушка запнулась, смущённо хлопая ресницами.

– Роксана, – мягко подсказала она.

– Да, Роксана! Я Эми, а это Анжела! – воскликнула девушка, её первоначальная надменность полностью растворилась в восторге. – Значит, мы теперь подружки! – Она схватила Роксану за руку и принялась прыгать на месте, словно ребёнок, получивший долгожданный подарок.

– Я очень рада, – Роксана постаралась, чтобы её улыбка выглядела искренней, и сделала глоток из бокала, маскируя смешанные чувства – легкую горечь от манипуляции и удовлетворение от того, что первая битва за положение в иерархии была выиграна так легко.

– О, привет! Я Лили, а это Демьян, – Лили подошла к их маленькой группе, её широкая улыбка была открытой и доброжелательной. Демьян стоял рядом, наблюдавший с лёгкой, забавной ухмылкой.

– Приятно познакомиться, хотя мы, конечно, и так знаем, кто вы, – Эми нервно помахала рукой, и её уверенность мгновенно испарилась под взглядом принца и дочери министра. Социальные статусы здесь работали быстрее любой магии.

– Ну, мы тогда пойдем! До встречи, Роксана! – Эми, покраснев, схватила подругу за рукав и почти потащила её прочь, в гущу толпы.

– Думаю, твой королевский зад их напугал, – Лили с притворной серьёзностью посмотрела на Демьяна.

– Полагаю, твой дорогой папуля пугает их куда больше, чем третий в очереди на престол, моя дорогая, – парировал Демьян, тут же отпивая из бокала. Его шутка была лёгкой, но в ней сквозила горьковатая правда.

– Трон – не самое важное в жизни, и ты это знаешь, – Лили надула губки, прислонив к ним холодное стекло.

– И то верно, моя прекрасная Лилия! – он снова осушил бокал одним махом, и его веселье начало казаться нарочитым, почти истеричным.

– Ах так? Ты же сам советовал не увлекаться, – Роксана скрестила руки на груди, смотря на него с упрёком.

– Да, но мне можно! – Демьян широко улыбнулся, но на этот раз Роксана уловила в его глазах нечто большее – тень глубоко запрятанной боли и печали, призраков, танцующих за маской беззаботного шута.

– Так чего они от тебя хотели? – Лили перевела разговор, приблизившись к Роксане и бросив настороженный взгляд в сторону удаляющихся девушек.

– Их интересовал мой новый наставник. Та, что в синем, похоже, сгорает от неразделённой любви к Альтаису. Вторая, Анжела, тоже им не равнодушна, но вряд ли признается в этом даже себе, – Роксана пожала плечами, стараясь, чтобы её голос звучал легко, хотя сама ситуация вызывала у неё тяжесть.

– Его назначил лично герцог, да? – Лили скривилась, и на её лице отразилось неподдельное беспокойство. – Мне не нравится этот Альтаис. От него веет... могильным холодом.

– Да, назначил, – подтвердила Роксана, и её взгляд стал отрешённым. – Он странный. Даже жуткий. Но он – единственный, кто может научить меня хоть чему-то в этом проклятом месте. Так что выбора у меня, по сути, и нет. – С этими словами она залпом допила напиток и с решительным видом взяла следующий бокал.

– Знаешь, когда я увидела тебя в том зале, то сразу поняла – ты станешь моей подругой, – Лили неожиданно коснулась ее руки, и её голос стал тихим и серьёзным. Её пальцы были тёплыми, а взгляд – честным. – И потому запомни: ты всегда можешь прийти ко мне. С любой проблемой. С любым страхом.

Искренность в её словах была такой настоящей, что Роксана почувствовала, как невидимая стена напряжённости внутри неё начала таять. Она так отчаянно хотела верить, что здесь, в этом змеином гнезде, у неё есть настоящий друг. И в этот миг, под мерцающий свет факелов, она позволила себе эту слабость – она поверила.

– А мне ты таких тёплых слов никогда не говорила! – Демьян состроил обиженную гримасу, явно пытаясь разрядить обстановку.

– Ой, отстань! – Лили с фальшивой суровостью стукнула его по плечу, но в уголках её губ играла улыбка.

– Ну, Лили... – он поймал её руку, и его преувеличенно-щелячий взгляд на мгновение стал по-настоящему уязвимым, выдав ту вселенную непронесённых чувств, что скрывалась за маской шута.

– Ладно, ладно! Ты тоже всегда можешь ко мне прийти! – Лили с преувеличенным раздражением закатила глаза, но не смогла скрыть довольную улыбку, проступившую сквозь приторную суровость.

– Музыка отличная, вам стоит повеселиться ещё! – Роксана, чувствуя себя немного виноватой за то, что нарушила их момент, но желая дать им пространство, взяла их руки, на мгновение сцепила их ладони и мягко подтолкнула в сторону танцующей толпы. Лили не успела и слова вымолвить, как Демьян, воспользовавшись моментом, уже увлек её в вихрь ритма, его лицо сияло торжеством.

Роксана осталась наблюдать, как кружатся её новые друзья. Её взгляд скользил по веселящимся фигурам, а уши ловили обрывки разговоров, пытаясь проникнуть в суть её нового окружения. На севере, в Лояне, говорили лишь о насущном: о холоде и еде, об урожае и погоде. В праздники – о семьях и свадьбах. Тем для разговоров было мало, и все они были просты, как кружка парного молока. Здесь же воздух был густ от обсуждения денег, титулов, интриг и магии. Говорили о потенциальной войне с тейнери шёпотом, но с жадным блеском в глазах, о политических союзах, о браках по расчёту. Мир, столь же сложный и многослойный, как и сама магия, кружил голову.

«Стикс» продолжал свое дело, разливая по венам приятную теплоту, и Роксана невольно покачивалась в такт далёкой музыке. Настроение было лёгким, почти воздушным – впервые за долгие годы. Но внезапно её внимание, словно на магните, притянуло к одинокому столу в самом углу поляны, куда свет от костра и факелов почти не достигал. В глубокой тени сидела фигура в алой мантии оракула. Длинные пальцы перебирали колоду карт, а на краю стола стоял маленький медный кофейник и пара чашек. Интуиция, та самая, что всегда вела её сквозь жизнь, подсказывала: это не случайность.

Оставив почти допитый бокал, Роксана двинулась сквозь толпу к одинокой фигуре, словно гонимая невидимой нитью.

– Ты оракул? – её голос прозвучал тише, чем она ожидала, почти шёпотом.

– Как видишь, – ответил низкий, мелодичный голос. Оракул не поднял головы, а глубокий капюшон отбрасывал на его лицо непроницаемую тень.

– Погадаешь мне? – Роксана опустила на пустующее бревно напротив, но даже так не смогла разглядеть черты лица под тканью.

– Ты и сама способна заглядывать за завесу, – парировал оракул, откладывая карты в сторону. В его голосе не было насмешки, лишь констатация факта.

– Не слишком умело. Ну так что, погадаешь? – настаивала Роксана, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения.

– Всё в этом мире имеет свою цену. Сначала – плата, – из складок мантии появилась узкая, изящная рука с раскрытой ладонью.

– У меня есть лишь это, – после недолгого раздумья Роксана сняла с шеи тонкую кожаную нить, на которой болтался маленький, отполированный до глянца чёрный камешек. Его ей в детстве подарила незнакомка, сказав, что он принесёт удачу. Позже она сама проделала в нём отверстие и носила как талисман, единственную драгоценность, что у неё была.

– Бери, – она протянула подвеску, но рука оракула вдруг замерла в сантиметре от неё, пальцы слегка подрагивали.

– Нет. Отдашь, только когда мы закончим, – его голос потерял свою прежнюю уверенность, став натянутым. Поджав губы, Роксана с лёгким недоумением надела украшение обратно. Камень, коснувшись кожи, показался на мгновение необычно тёплым.

– Хорошо. Положи ладонь на колоду. И сосредоточься на вопросе, который жжёт тебя сильнее всего.

Роксана послушно накрыла карты ладонью. Внутри неё всё кричало одним-единственным вопросом: «Что ждёт меня? Какое будущее уготовила мне эта чёрная мантия?» Она вытеснила все другие мысли, позволив этому страху и надежде заполнить собой всё существо.

– Сильная энергия... Очень сильная и... древняя, – оракул резко сбросил капюшон. Из-под него вырвалась пышная шапка чёрных кудрей, обрамлявших смуглое лицо с чертами, отточенными, как у древней статуи. Она была с далекого юга – её кожа отливала тёплым бронзовым оттенком, а во взгляде огромных, миндалевидных глаз читалась многовековая мудрость. Роксана не могла отвести взгляд – эта девушка была не просто красива, она была иной, загадочной и магнетической.

Но оракул не замечал её восхищения. Её длинные, тонкие пальцы с невероятной скоростью раскладывали карты рубашкой вверх, создавая сложный узор. Затем из мешочка она извлекла набор потрескавшихся от времени костей и несколько гладких речных камней с нанесёнными рунами и с тихим шелестом рассыпала их по поверхности стола. Роксана смотрела, замороженная. Этот метод был невероятно сложен, требовал огромной силы и концентрации – её собственные попытки всегда заканчивались туманными и смутными образами.

Наконец, тонкие пальцы начали переворачивать карты, на которые указали камни и кости. С каждым новым ликом, обнажавшим свой символ, воздух вокруг становился всё гуще, а в висках у Роксаны начинало стучать. Когда была перевернута последняя карта, мир вдруг качнулся. Головокружение накатило волной, сердце забило с бешеной силой, перехватывая дыхание. Она почувствовала, как та самая, дремлющая в ней сила, отозвалась на расклад низким, мощным гулом где-то в самой глубине её существа.

– Что ты видишь? – Роксана сама водила взглядом по зловещим символам на картах, но для неё они были лишь пятнами краски на потрёпанной бумаге, лишёнными смысла и связи. Её собственная, неотшлифованная способность к прорицанию молчала, подавленная мощью этого расклада.

– Мне... мне нечего тебе сказать! – оракул резко отпрянула, словно коснувшись раскалённого металла. Её лицо, еще минуту назад бывшее маской сосредоточенного спокойствия, исказилось неподдельным ужасом. Что за кошмар она разглядела в этих картах?

– Мы договорились о плате! Ты обязана сказать! – Роксана инстинктивно вцепилась в руку девушки, её пальцы сжали тонкое запястье с такой силой, что костяшки побелели. Она впиалась взглядом в тёмные, испуганные глаза оракула, пытаясь вырвать правду.

– Я не хочу твой камень! Просто уходи! Отстань! – южанка с силой вырвала руку, её движения стали резкими и порывистыми. Она сгребала камни и кости в мешок, словно от греха подальше, её пальцы дрожали.

– Скажи мне! – Роксана поднялась во весь рост, нависнув над столом. Её тень поглотила оракула, а голос прозвучал низко и угрожающе, заставив ту замереть на месте.

– Ты несёшь с собой смерть и хаос! – выдохнула оракул, и слова повисли в ночном воздухе, холодные и окончательные, как приговор. Не дав опомниться, она, словно призрак, схватила карты и растворилась в темноте, даже не оглянувшись.

Роксана тяжело рухнула обратно на скамью, её ноги вдруг стали ватными. Губы сами собой поджались, сдерживая дрожь. Всё внутри сжалось в тугую, болезненный комок. Эти слова... она слышала их раньше, шёпотом, за своей спиной. От тех, кто давал ей кров и миску супа из жалости. Жители деревни сторонились её, а потом и вовсе вытеснили на самую окраину, подальше от себя. И теперь в глубине души шевельнулся червь сомнения: а что, если они были правы? Она яростно гнала эту мысль, как делала всегда. Она никогда никому не желала зла! Все несчастья вокруг – просто стечение обстоятельств, цепь случайностей. Она в этом была уверена... почти уверена.

Резко поднявшись, она с силой вытерла предательские слёзы, выступившие на глазах, и почти побежала прочь. Весёлая музыка и беззаботный смех, долетавшие с поляны, которые ещё недавно поднимали ей настроение, теперь резали слух, вызывая прилив ярости и горькой обиды.

Вырвавшись из кромки леса, она сорвалась в безумный бег. Впереди был лабиринт, но нахлынувшие смятение и гнев полностью затмили рассудок. Она металась по зелёным коридорам, как загнанный зверь, упираясь в одни и те же тупики снова и снова. Злость постепенно сменилась леденящей паникой, а затем и горькими, душащими рыданиями. Она расплакалась, наконец выпустив наружу все сдерживаемые обиды, весь страх и одиночество, копившиеся годами. В кромешной тьме, под слабым светом луны, и без того невозможно было разглядеть путь, а слёзы застилали глаза, окончательно искажая пространство.

Отчаянно рванув за очередной поворот, она с размаху врезалась во что-то твёрдое и неподвижное. Сильные, уверенные руки мгновенно подхватили её под локти, не дав упасть. И тут же её окутал странный, успокаивающий запах – сладковатый аромат бадьяна с лёгкой, дымной горчинкой, словно тёплое одеяло в стужу.

– Эй? Ты в порядке? – его голос был низким и бархатистым, тёплым, как летний ветерок, несущий запах полевых трав. Роксана подняла заплаканное лицо, и её взгляд утонул в его глазах. Они были яркими, пронзительно-зелёными, как молодая трава после дождя, и горели в полумраке собственным, призрачным светом – безошибочным знаком истинного некроманта. Его белоснежные волосы были коротко и аккуратно подстрижены, открывая волевые, резко очерченные черты лица, тонкий аристократический нос и густые брови.

– Нет... Совсем нет... – прошептала она, удивляясь собственной слабости, и снова всхлипнула, бессильно опуская голову. Его сильные руки всё ещё поддерживали её, и в их надёжности было что-то такое, что заставляло расслабиться.

– Тебя кто-то обидел? – его взгляд внезапно стал жёстким, сканирующим темноту за её спиной, а в голосе зазвенела сталь, обещающая расправу.

– Быть может, я сама себя загнала в эту ловушку? – горько усмехнулась Роксана, пытаюсь отстраниться и смахивая со щёк предательские влажные дорожки. – Я заблудилась. Просто хочу вернуться в замок. Ты не покажешь дорогу?

– Конечно. Идём, – он, не раздумывая, снова взял её за руку – уже не как незнакомец, а как проводник – и уверенно повёл за собой. Спустя всего несколько поворотов лабиринт отпустил их, и в просвете между кустами показались величественные очертания замка, его шпили, упиравшиеся в звёздное небо. Он был так близко, но в хаосе зелени и собственных эмоций она его просто не видела.

– Спасибо, – она снова попыталась высвободить руку, но он лишь мягко, но твердо сжал её пальцы и продолжил вести её к зданию, словно боясь, что она снова заплутает. Роксана не стала сопротивляться. После леденящего ужаса пророчества и ледяного одиночества эта мимолетная забота была ей нужна, как глоток воздуха.

– Это вход в спальное крыло. Поднимись по левой лестнице, – он указал рукой на массивную дубовую дверь.

– Спасибо, что... что нашёл меня, – она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла такой печальной и надломленной, что у мужчины где-то глубоко в груди дрогнуло что-то знакомое и забытое.

– Сегодня странная ночь. Не думаю, что сон придёт легко. Может, выпьешь со мной чаю? – предложил он, и его голос вновь стал мягким.

Она встрепенулась. Он был прав – уснуть в таком состоянии не получится. Но идти куда-то с незнакомым мужчиной, пусть и спасшим её... И всё же в его глазах не читалось ничего, кроме спокойной готовности помочь. А выпить чаю – это так мало по сравнению с тем, что он для неё сделал.

– Уверена, тебя ждут друзья на празднике. Не хотелось бы портить тебе вечер, – пожала плечами Роксана, делая неуверенный шаг к двери.

– Думаю, они даже не заметят моего отсутствия, – он улыбнулся, и в его взгляде мелькнула тень чего-то одинокого. – Идём. К чаю, как я слышал, прилагается свежий пирог.

– А с чем пирог? – не сдержала она легкой, почти живой усмешки, и сама удивилась этому звуку.

– Не знаю. Но уверен, он вкусный, – он снова протянул руку, и на этот раз она без колебаний приняла её.

Они обошли замок и проскользнули в неприметную, низкую дверцу, скрытую в стене. За ней оказался узкий, пропахший дымом и специями служебный коридор. Пройдя по нему, они вышли на огромную кухню. Работников не было, стояла ночная тишина. Но гигантские печи ещё тепло пылали, наполняя воздух живительным теплом. Её спутник повел себя как хозяин: ловко поставил на огонь массивный медный чайник и принёс с полки большой железный противень, доверху наполненный румяными пирогами и булками.

– Это слишком много для нас двоих! – воскликнула Роксана, беря лишь небольшую душистую булочку с маком.

– Я слышал твой желудок ещё в коридоре. Он рычал так, что, думаю, этого нам как раз хватит, – он рассмеялся, монотонно и тихо, пока заваривал чай в две простые деревянные кружки.

– Я-то думала, это твой! – фыркнула она, с наслаждением откусывая кусок ещё теплой выпечки. Он сел напротив, поставив перед ней дымящуюся чашку.

– О, мой рычит куда громче, поверь, – парировал он. Взяв нож и вилку, он аккуратно отрезал себе кусок пирога, переложил на тарелку и принялся есть. Слишком правильно. Слишком выверенно. Каждый жест отточен годами муштры.

– Ты из знати, – не вопрос, а констатация сорвалась с её губ.

Мужчина поперхнулся. Несколько раз кашлянув, он сделал большой глоток чая, чтобы протолкнуть пищу.

– А что выдало? – на его лице промелькнула тень досады.

– Я бы взяла пирог руками и откусила столько, сколько захочется, – она демонстративно отломала ещё один кусок от своей булки. – А ты ковыряешься ножом и вилкой, будто на королевском приёме.

– В этих стенах нет разницы, кто ты и откуда, – он приподнял густые брови, и в его зелёных глазах вспыхнул вызов.

– Пока мы здесь. Но за пределами академии все встанет на свои места, мой дорогой спаситель, – Роксана тяжело вздохнула. Выпить чаю и съесть пирог оказалось не такой уж плохой затеей. Это было просто. По-человечески просто.

– И... тебе это не по душе? – спросил он, продолжая методично доедать свой пирог, но его взгляд стал пристальным и изучающим.

– Да мне без разницы! – вырвалось у неё с горькой резкостью. – Как только выйду за порог этой академии, меня просто разорвут в первой же битве! – она с силой ткнула пальцем в чёрную ткань своей мантии, словно пытаясь проколоть эту зловещую ткань.

– Сейчас нет войны. У щитов есть иная работа – защита дипломатических миссий, нейтрализация магических угроз... – его голос звучал спокойно, но он аккуратно сложил нож и вилку, отодвинув тарелку, будто аппетит у него пропал.

– Герцог Намтар, кажется, придерживается иного мнения, – Роксана опустила глаза в свою чашку, где в тёмной жидкости колыхалось её смутное, искажённое отражение.

– Поэтому ты плакала в лабиринте? Тебя пугает то, что ещё даже не случилось? – его вопрос прозвучал не как упрек, а с легким оттенком любопытства.

Она подняла на него взгляд. Статный, красивый мужчина с аристократическими манерами, обладающий редким и пугающим даром... И он сидит с ней, провинциальным подкидышем, на грязной кухне, пьёт чай и ест пироги. Зачем? Что ему от неё нужно? Мысль пришла внезапно и горько: наверное, он уже сейчас оценивает её как будущий актив, думает, как прибрать к рукам редкого щита после выпуска, чтобы обезопасить себя. Конечно, какой ещё могла быть причина для этой внезапной доброты?

– Оракул на поляне сказала мне, что я несу с собой лишь смерть и хаос, – выдохнула Роксана, и её усмешка была острой, как лезвие. Частью – от абсурда услышанного, а частью – в надежде, что эти слова отпугнут его, заставят отказаться от своих расчётливых планов.

– И ты, узнав о своём даре всего несколько часов назад, уже успела поверить в это и устроить истерику в кустах? – в его голосе прозвучало не столько осуждение, сколько искреннее изумление перед такой готовностью принять на себя роль проклятия.

– Сложно не верить, когда все, кого ты касаешься, в итоге оказываются в земле! – бросила она ему в лицо, и в этот миг улыбка окончательно сошла с его губ, уступив место напряжённой серьёзности.

– И теперь есть пироги с такой мрачной особой – не самая лучшая идея, да? – Роксана понимающе кивнула, делая глоток обжигающего чая, который словно выжигал изнутри горечь её слов.

– А ты сама-то в это веришь? – он неожиданно протянул руку и коснулся её запястья. Его пальцы были удивительно тёплыми для некрманта. Их взгляды встретились, и время на кухне будто замерло, застыв в тихом трепете огня в печи и их прерывистом дыхании.

– Нет, но... – она запнулась, чувствуя, как под его прикосновением дрожь в руке постепенно утихает.

– Мысль материальна, Роксана. Ты притягиваешь к себе именно то, во что веришь и чего боишься больше всего. То, чего ты ждёшь, с тобой и случится. Оракулы – не всезнающие боги,

особенно те, что только учатся читать узоры судьбы, – его голос стал тише и мягче, а улыбка, тронувшая его губы, была ободряющей. Он убрал руку, но ощущение тепла на её коже осталось.

– Знаешь, я всегда думала только об одном – хочу жить хорошо. В доме с собственной тёплой ванной и туалетом, который не нужно посещать на морозе, – она вдруг рассмеялась, и этот смех был чистым и лёгким, смывая часть тяжести. – И это сбылось! Твоя теория о мыслях работает! – она рассмеялась ещё громче, и этот звук, казалось, отгонял тени, сгустившиеся в углах огромной кухни.

– Ну, а чего бы ты хотела теперь? – мужчина откинулся на спинку стула, поднеся к губам свою деревянную кружку. В его позе читалась расслабленная заинтересованность.

– О чём обычно мечтают восемнадцатилетние девушки, оказавшиеся в магической академии? – она покраснела, чувствуя, как жар разливается по щекам, и отвлеклась на крошки на столе.

– О розовых платьях и королевских балах? – предположил он, пожимая плечами с лёгкой иронией.

– Со мной всё сложнее. Я всегда была одна. Люди сторонились меня – я была подкидышем, «ничейной», да ещё и появлялась не в то время и не в том месте. Возможно, мои деревенские вздохнули с облегчением, когда я наконец уехала в столицу, – с горьковатой пряностью в голосе призналась она, беря с противня новый десерт – румяное яблоко в слоёном тесте, обсыпанное сахаром.

– Но я хотела... не быть одной. Найти друзей. И, как видишь, твоя теория снова сработала! Я встретила Лили и её... друга, Демьяна. Они вечно препираются, но так очевидно влюблены друг в друга, что смотреть на это одновременно и больно, и радостно, – Роксана улыбнулась, и на этот раз улыбка была по-настоящему тёплой, пока кисло-сладкий вкус печёного яблока наполнял её рот.

– Дочь второго министра и принц? – мужчина усмехнулся, но в его глазах мелькнуло что-то сложное, почти сочувственное. – Вот это компания, ничего не скажешь.

– Я смотрю на них и думаю: родились с золотой ложкой во рту, имеют всё, о чём только можно мечтать, а всё равно несчастны. Отец Лили настаивает на браке со старшим принцем, а Демьян... Демьян, я уверена, бессилён что-либо изменить. В итоге оба будут страдать, при всей своей власти и богатстве. – Роксана безнадежно пожала плечами, и в её голосе звучала неподдельная жалость к этим двум запутавшимся душам.

– Такова цена власти и положения. Свобода – первое, что у них отнимают, – мужчина облокотился на стол, его внимательный взгляд следил, как девушка с наслаждением доедает последние крошки яблочного пирога.

– Знаешь, в такие моменты я почти рада, что я «ничейная». Я могу любить кого захочу, есть как хочу и делать то, что считаю нужным! Но теперь... теперь всё иначе. Будь война – меня бросят в самое пекло. Не будь – найдутся желающие «приобрести» меня для своей защиты. Коронованные особы решат, что их жизнь стоит дороже моей. Я стала вещью, ценной вещью, которую без присмотра не оставят. А значит, я больше не принадлежу себе. И это... это душит, – она тяжело вздохнула, отодвигая пустую тарелку.

– Никто не смеет принуждать тебя против твоей воли! – его лицо внезапно потемнело, в глазах вспыхнул холодный огонь, и кулаки непроизвольно сжались.

– Ты и сам в это веришь? – Роксана горько усмехнулась. – У нас же как заведено? «Жизнь за короля отдам!» Но почему я должна? Почему кто-либо вообще должен? – Она заметила, как его настроение стало мрачным, и решила, что тему стоит сменить, задав встречный, провокационный вопрос: – А как, по-твоему, должно быть?

– Я спрашиваю тебя, – он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, принимая позу слушателя, но его поза выдавала напряжение.

– Я должна быть готова умирать не за короля или его детей, а за тех, кого люблю! За землю, на которой выросла! За свой дом, чёрт возьми! – её голос зазвучал горячо и убеждённо. – А за короля пусть умирают его рыцари, те, что добровольно давали ему клятву! – Роксана фыркнула, её глаза горели. – Ты бывал на севере? Ты хоть представляешь, как там живут люди? Здесь столы ломаются от яств, а там булку хлеба делят на неделю, если год неурожайный! И где же наш заботливый король? Где его великие реформы? Где его власть, которая должна защищать? Мы исправно платим налоги, а взамен не видим даже нормальной еды!

– Север – отдаленный регион, но туда идут регулярные поставки продовольствия, – попытался он возразить, но звучало это неубедительно, и сам он выглядел задумчивым, будто проверяя эти сведения в своей голове.

– Поставки? – Роксана нервно вскочила, её тень заколебалась на стене при свете печи. – Все эти поставки и деньги оседают в Яро! Ни одна золотая монета не выходит за пределы резиденции наместника! Это все знают! Разве король не в курсе? Не смеди меня! Всё дело в том, что наместник – его родной племянник, и точка! – она устало всплеснула руками, полная горького разочарования.

– Ты говоришь о прямом предательстве, о том, что наместник идёт против короны и своего народа. Это очень серьёзное обвинение, – его голос стал тихим и весомым. Он встретился с ней взглядом, но на её лице не увидел ничего, кроме горькой, уставшей усмешки, рождённой годами личных наблюдений и несправедливости.

– Ты не настолько наивен, чтобы не понимать, о чём я говорю! – её голос звенел от горькой иронии. – Яро скоро будет краше Кашгара, а шпили его резиденции уже втрое выше королевских! Может, нашему «народному отцу» стоит наконец навестить своего племянника и посмотреть, на чьи деньги тот строит свою империю? – Роксана упрямо сложила руки на груди, бросая вызов его кажущемуся спокойствию.

– Значит, народ севера не любит короля? – в его вопросе прозвучала не просто любознательность, а что-то более острое, аналитическое.

Она громко рассмеялась, но в этом смехе не было веселья – один лишь цинизм.

– Он не мамка, чтоб его любить. Но и уважения он не вызывает. Все надежды – на старшего принца. Говорят, он умён не по годам и ведёт дела честно. – Роксана пожалала плечами. – Если он и вправду таков, это будет благословением. Миру отчаянно не хватает честности.

– Что ещё говорят в народе о королевской семье? – он откинулся на спинку стула, но в его позе читалось напряжение, а взгляд стал пристальным, изучающим.

– А завтра меня повесят, а тебе медаль вручат за помощь следствию? – Роксана язвительно прищурилась.

– Я спас тебя сегодня не для того, чтобы завтра наблюдать, как ты болтаешься на виселице, – его голос внезапно стал твёрдым и почти суровым. – Мне интересно услышать мнение тех, кого столица ещё не успела испортить. Вот и всё.

– На востоке дела обстоят не лучше, – продолжила она, пожимая плечами. – Откуда знаем? По чёрному пути торговцы приходят, вот они и болтают.

Он резко поднял руку, прерывая её:

– По чёрному пути? Через Тенебре?

На его лице отразилось неподдельное, почти шокированное изумление.

– Опасно? Согласна. Но по официальному торговому пути ехать – значит остаться без штанов! Каждый город на пути берёт свой налог! Люди рискуют жизнью, чтобы просто заработать на хлеб! – её голос зазвучал с горькой страстью. – А ваша грамота с оплаченным налогом – просто бумажка, годная разве что в туалет сходить, мой дорогой спаситель! – Роксана скривилась. Было почти странно видеть такое неведение в его глазах. Не зря говорили, что Кашгар – это отдельный, оторванный от реальности мир.

– Ты утверждаешь, что каждый город взимает собственный побор с купцов на королевском торговом пути? – переспросил он, и в его голосе зазвучала не просто любознательность, а холодная, официальная заинтересованность.

– Да! Именно так! – Роксана снова прищурилась, пытаясь понять, зачем он переспрашивает очевидное. – Похоже, ты ни разу не выезжал за пределы Кашгара, да? – Она вернулась на своё место. Чай немного остыл, но зато настоялся, и его вкус стал более глубоким и терпким.

– Что ещё? – он придвинулся ближе к столу, и его поза выдавала предельную сосредоточенность.

– Целители есть только в Яро, но цена за приём – как три месяца каторжной работы. Позволить себе могут единицы! – её слова лились теперь потоком, вырвавшись на свободу после долгого молчания. – Хотя по последней королевской реформе в каждую деревню должен был быть направлен целитель на государственном жалованье! К нам одного прислали, но он оказался простым лекарем. Лечить простуду и занозы у нас и пятилетние дети умеют! – Мужчина лишь молча кивнул, но его взгляд стал тяжёлым и задумчивым.

– Проблем у нас столько, что ночи не хватит, чтобы все перечислить, – Роксана с обречённой усталостью провела рукой по лицу. – Это лишь те, что не дают людям просто жить. – Её пальцы бессознательно коснулись чёрного камешка на её шее.

– Красивый, – он мягко перевёл разговор, его взгляд упал на камень. – Парень подарил?

От этой внезапной и легкомысленной смены темы она невольно улыбнулась. «Ну конечно, – подумала она с горькой иронией, – сердце аристократа не выдержало слушать о народных бедах».

– Нет, просто камень, – ответила она и сняла его с шеи, протягивая ему. Мужчина взял, его длинные пальцы внимательно повертели крошечный чёрный осколок, изучая. Затем, с внезапной, почти детской непосредственностью, он надел нить себе на шею, и камень лёг на его тёмную мантию.

– Возьму как плату за спасение и за чай с пирогами, – заявил он, и на его лице появилась озорная, чуть виноватая ухмылка.

Роксана не сдержала смеха. Выражение его лица было таким комично-вороватым. – Если уж так приглянулся, то забирай! – Она поднялась из-за стола. – Уже поздно, а завтра меня ждёт нелёгкий день. Спасибо за чай, пироги и... за спасение, господин спаситель.

– Я тебя провожу... – он начал подниматься.

– Не стоит! Отсюда я дорогу знаю, – она мягко, но решительно остановила его жестом. – Спасибо за этот вечер. Спокойной ночи. – Не дав ему возможности возразить, она выскользнула из кухни, её фигура растворилась в тенях коридора прежде, чем он успел что-либо сказать.

– Это тебе спасибо, – тихо произнес он в пустоту, его пальцы снова сомкнулись вокруг тёплого чёрного камешка на его шее. В его глазах, устремлённых в тускло освещённый дверной проём, где она исчезла, читалась не просто благодарность, а глубокое, переосмысленное понимание.

Глава 2

Солнце ещё не взошло, когда грубый стук в дверь вырвал Роксану из короткого, тревожного сна. Она не успела как следует выспаться – веки были тяжёлыми, а в мышцах ломила усталость. Наскоро переодевшись в простую тренировочную форму, она вышла на улицу. Во рту стоял едкий, острый привкус мятного порошка для чистки зубов, от которого каждый глоток утреннего влажного воздуха казался ледяным ожогом.

Тренировочная площадка была пустынна и безмолвна. Небо затянули низкие, свинцовые тучи, словно сама природа разделяла её мрачное предчувствие о том, каким будет этот день. Глаза слипались и припухли от вчерашних слёз. Она отчаянно хотела ещё хотя бы час сна, крошечную передышку, прежде чем её жизнь окончательно превратится в ад.

Возле замка она заметила движение. К ней неспешной, уверенной походкой приближался Альтаис – тот самый учитель, что был навязан ей волей герцога. Его фигура казалась тёмным пятном на фоне серого утра, а глаза мерцали холодным, почти фосфоресцирующим светом. Выражение его лица было мрачнее самой погоды.

– Доброе утро, – робко произнесла она, но мужчина прошёл мимо, словно не удостоив её звука своего голоса. Он остановился у деревянной скамьи и начал снимать с себя верхнюю одежду – сначала тёмный плащ, затем плотную куртку. Роксана, поджав губы, молча наблюдала, и постепенно до неё стало доходить, чем так замороженно любитесь Эми из своего окна.

Девушка невольно приподняла брови, позволив себе на мгновение оценочным, почти невольным взглядом скользнуть по его фигуре от плеч до пят. Он был красив – не человеческой, а какой-то скульптурной, опасной красотой. Под бледной, словно отполированный мрамор, кожей играли чёткие, стальные жгуты мышц. Ровные, прорисованные кубики пресса спускались к самому краю простых тренировочных штанов, исчезая за массивной железной пряжкой ремня. Роксана нервно сглотнула и попыталась отвернуться, чувствуя, как по щекам разливается жар, но взгляд предательски возвращался обратно, приликая к этой демонстрации грубой, не скрытой силой.

– Подойди.

Роксана вздрогнула. Его голос был ровным и безжизненным, как поверхность озера в безветренный день. В нём не было ни тепла, ни раздражения – один лишь холод. Она сделала неуверенный шаг вперед, чувствуя себя максимально незащитной и уязвимой в своём тонком хлопке на фоне его полуобнаженной мощи.

– Да? – её собственный голос прозвучал хрипло. Она изо всех сил старалась не смотреть на его тело, не думать о нём, но мысли, дикие и неуместные, предательски прокрадывались в сознание. Она сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как они сами собой тянутся наружу, жаждающая прикоснуться, проверить, настоящая ли эта плоть или же творение гениального, но безумного скульптора.

– Вождедешь мужского тела? – его вопрос прозвучал так же ровно и бесстрастно, как если бы он спрашивал о погоде.

От этих слов её будто окатили кипятком. Она резко отвела взгляд, чувствуя, как щёки за секунду пылают густым румянцем, а в горле застревает комок, вызывая непроизвольный, сдавленный кашель.

– Нет! Я... я просто никогда не видела... так близко... – солгала она, запинаясь. Она, конечно, видела мужчин – деревенских парней, купающихся в реке, видела и их тела, но то были простые, рабочие тела. Они не вызывали этого странного, тянущего чувства где-то внизу живота, этой смеси страха, любопытства и подавляемого восхищения.

– Оставь свою похоть. Так же, как и любовь, и страх. Эти вещи – балласт. Сильные эмоции делают нас уязвимыми. Они мешают Щитам концентрироваться. Делают нас слабыми в тот

единственный миг, когда мы должны быть абсолютно чисты и пусты, – его слова падали, как капли ледяной воды, гася жар на ее щеках и заставляя внутренне сжаться.

Роксана медленно выдохнула, ощущая, как стыд и смущение отступают, сменяясь горечью и холодным осознанием. Он был прав. В её новой жизни, в той роли, что ей уготована, не было места ничему из этого. Ни любви, ни страху, ни этому щемящему, глупому влечению. Только пустота и сталь.

– Ты научишь меня быть... такой, как ты? – Роксана рискнула взглянуть прямо в его глаза, и в ответ фиолетовые зрачки мертвенным светом пульсировали, будто эхо её собственного, ещё не осознанного дара.

– Я даю тебе один шанс. Делай всё, что скажу. Ослушаешься – будешь сама по себе, – его слова были лишены угрозы; это была простая, безрадостная констатация правил игры.

От этих слов сердце неожиданно ёкнуло – не от страха, а от странной надежды. Он был такой же, как она. Их всего двое на всю академию. Она с детства привыкла быть изгоем в мире обычных людей, но теперь у неё появился шанс не быть одинокой в своей собственной шкуре. Лили и Демьян – это одно, тёплое и живое. Альтаис – нечто совершенно иное, ледяное и необходимое, как воздух в лёгких перед прыжком в бездну.

– Хорошо. Я согласна. – Другого ответа не существовало. Сейчас он был ей нужен, как компас в кромешной тьме. Она должна была научиться контролировать свой дар, должна была стать сильнее, должна была выжить и понять этот новый, враждебный мир.

– Хорошо. Тогда начнём.

Роксана показало, будто на мгновение каменные черты его лица дрогнули, выдав нечто, отдалённо напоминающее улыбку. Быть может, это была просто игра света наступающего утра.

С этого момента жизнь утратила краски. Если раньше небо было синим, то теперь оно стало серым, как пепел сожжённых надежд. Трава и деревья поблекли, утратив свою сочную зелень, будто сама природа отвернулась от неё, признав чужеродной. Цветы больше не пахли – они просто существовали, немые и безжизненные, как памятники самой идее красоты. Всё, что она чувствовала, сводилось к боли в каждом мускуле, дикой, выворачивающей наизнанку усталости, голоду, грызущему изнутри, и всепоглощающему, животному желанию спать. Но сон не приносил облегчения – лишь туманные кошмары и смутную тревогу, что преследовала её и наяву.

Ночь сменялась днем, похожим на адское чистилище. Дни сливались в недели, недели – в месяцы, а месяцы вытянулись в долгий, изматывающий год. Год упорной, безропотной работы. Год пота, слёз и крови. Год мучительных сомнений, отчаянных порывов сбежать, исчезнуть, раствориться в ничтожестве.

Но она осталась.

Не потому что не могла уйти, а потому что глубоко внутри, под слоями боли и отчаяния, что-то прорастало. Что-то древнее, неукротимое и несломленное.

Сквозь боль она начала различать иное – в её мышцах бурлила не агония, а магия. Её дар пробуждался, как вулкан, веками спавший под толщей льда. И теперь, подобно Альтаису – тому, чьё имя шептали ей встревоженные ветра, – она смотрела на мир глазами, полными фиолетового огня. Глубокими, как сама бездна, и яркими, как вспышка ослепляющей истины.

С каждым днём она ощущала перемены. Её шаг становился твёрже, голос – увереннее, а взгляд – пронизательным, способным пронзать скрытые мысли. Люди чуяли это изменение – отступали, склоняли головы, в их глазах читался страх... и подавленное восхищение. Она больше не была просто девушкой из Лояна.

Она становилась силой. Стихией. Искрой, способной воспламенить пламя грядущих перемен.

И хотя мир вокруг всё ещё виделся ей тусклым и безжизненным, она несла в себе собственный свет. Не солнечный, не мягкий земной – а свой, фиолетовый, магический. Свет, рож-

дённый в горниле страданий, закалённый болью и готовый однажды озарить путь для тех, кто придёт после.

Склонившись над почти остывшей чашкой тыквенного супа, Роксана из последних сил боролась со сном. Утренняя «проверка прогресса» у герцога вытянула из неё все соки, а впереди её ждал Альтаис и его излюбленная ночная тренировка. Тяжело вздохнув, она отодвинула миску и достала из складок мантии маленький пузырек. Пара капель горького эликсира вернёт ей бодрость, отгонит сон – а значит, можно будет жить дальше.

– Роксана, что ты делаешь? Я же говорил, что одной капли более чем достаточно! – Демьян бесцеремонно опустился на скамью напротив. Лили подошла почти сразу, ставя свой поднос с едой, её взгляд был полон немного беспокойства.

– Герцог проверял мои способности с самого рассвета. Они практически выжали из меня душу, – простонала она и, зажмурившись, залпом выпила содержимое стакана, где мутная жидкость издавала отвратительный, химический запах и оставляла на языке привкус железа.

– У тебя ещё есть время? – в голосе Лили прозвучала неподдельная тоска. Они виделись урывками, их дружба существовала в узких промежутках между изматывающими тренировками Роксаны.

– Да, минут тридцать, не больше, – Роксана с усилием растёрла лицо ладонями, пытаясь стряхнуть оцепенение, и снова взялась за ложку, заставляя себя доедать остывший суп.

– Мне один знакомый передал кое-что, – Демьян, до этого молча наблюдавший, протянул ей небольшую коробочку и плотный конверт. На его лице играла загадочная улыбка. – Сказал, что у тебя сегодня день рождения. Не знал, что мы празднуем.

Роксана нахмурилась, отложила ложку и начисто вытерла губы салфеткой. Сначала она открыла коробочку, обильную чёрным бархатом.

– Вау! – прошептала Лили, её глаза расширились. В глубине коробочки лежало изящное золотое кольцо. В его центре сиял глубокий чёрный камень, обрамлённый россыпью мелких, но идеально огранённых бриллиантов, ловивших скудный столовый свет.

Затем Роксана вскрыла конверт. Бумага была плотной, дорогой. Она машинально поднесла её к носу и почувствовала слабый, но узнаваемый аромат – сладковатый бадьян с дымной горчинкой. Тот самый запах, что остался в памяти от той ночи. Сердце её учащенно забилося. Она развернула лист и стала читать, её взгляд скользил по строчкам, а губы непроизвольно растягивались в улыбке.

«Дорогая Роксана,

Я узнал, что твоё имя означает «рассвет». Это знание преследовало меня все эти месяцы. Я до сих пор помню твою тревогу и смятение в ту ночь. Забудь о них. Ты – рассвет, сама жизнь, а значит, всё обязательно будет хорошо.

Прости, я, кажется, немного заплутал в своих мыслях. С днём рождения!

Возвращаю тебе твой камень, но в новой оправе. Никогда не расставайся с ним. Мне удалось выяснить, что это – Слеза Бога, редчайший артефакт. Тот, кто дал его тебе в детстве, пытался защитить тебя от чего-то. Храни его.

Письмо выходит сумбурным, я никогда не умел излагать на бумаге то, что крутится в голове. Но чувствую, что должен сообщить: в Яро новый наместник. Ты, наверное, уже слышала. Поставки на север налажены, и в деревнях, наконец, появились настоящие целители. Надеюсь, эти новости порадуют тебя.

И ещё кое-что. Твои друзья, уверен, сидят рядом, но ты узнаешь об этом первой: скоро твоя подруга Лили станет принцессой-консорт. Официальное

объявление – через неделю. Никогда не думал, что чужое счастье может так греть душу. Теперь знаю.

Ещё раз с днем рождения!

Твой спаситель»

Тепло, давно забытое и яркое, разлилось по груди Роксаны, смывая часть накопившей усталости. Она сняла простое кольцо с ниткой, которое носила до сих пор, и надела новое на безымянный палец правой руки. Камни сверкнули, и этот блеск казался обещанием.

– Тебе сделали предложение? – воскликнула Лили, её глаза сияли от любопытства. – Кто он? Дай прочитать! – она потянулась к письму, но Роксана с хитрой улыбкой ловко спрятала его во внутренний карман мантии.

– Это просто подарок от старого друга. На день рождения. Я сама почти забыла, что он сегодня, – её голос звучал мягко, с оттенком лёгкого изумления. Её друзья будут счастливы, ее родной север наконец-то получил помощь. Это письмо было лучшим подарком за весь этот год.

– Но как его зовут? – не унималась Лили, подпирая подбородок ладонями. – Нужны детали!

– Я... не знаю его имени, – призналась Роксана, и её взгляд стал отрешённым, устремлённым в прошлое. – Мы виделись лишь раз. Он помог мне, когда я была в отчаянии, а потом мы всю ночь пили чай на кухне и говорили... обо всём на свете. Больше наши пути не пересекались. – На её губах играла тихая, задумчивая улыбка. Тогда, в той ночи, был момент настоящей, простой человечности.

– А кто передал тебе письмо? – Роксана внезапно упёрлась взглядом в Демьяна, и её тон стал серьёзнее.

Парень заметно напрягся и отвёл глаза, изучая узор на столешнице.

– Прислуга. Я не видел, от кого именно. Мне просто вручили.

– Значит, это кто-то из твоего окружения! – тут же заключила Лили, её азарт лишь возрос. – Граф? Герцог? Роксана, ну опиши его! Как он выглядел?

– Он был высоким. И... очень красивым, – с лёгкой насмешкой в голосе ответила Роксана, наблюдая, как Демьян невольно сжимает кулаки. Он-то точно знал больше, но его язык был скован условностями или приказом.

– Половина столицы под это описание подходит! – Лили с досадой повысила голос. – Конкретнее, Ро! Цвет глаз? Волос? Хотя бы то, как он был одет!

– Когда я встречу его на вашей свадьбе, я обязательно тебе его покажу! – Роксана легко поднялась из-за стола, многозначительно подмигнув Демьяну. Она видела, как он напрягся, и ей стало одновременно и смешно, и любопытно.

– Ну и шуточки у тебя! – Лили надула губки, но в её глазах читалось неподдельное любопытство.

– Не может быть! – Демьян резко вскочил, словно его ударили током. Его лицо выражало не просто удивление, а нечто большее – почти панику.

– Конечно, не может быть! – Лили, ничего не понимая, потянула его за рукав, усаживая обратно на скамью. – Успокойся, она же шутит!

– Я искренне рада за вас обоих, – Роксана улыбнулась, видя их растерянность, и, не дав подруге засыпать её новыми вопросами, быстро ретировалась, оставив за спиной недоумённый взгляд Лили.

Демьян же до последнего следил за её уходящей фигурой, а затем, резко поднявшись и бросив на Лили взгляд, полный какого-то сложного, непонятного ей решения, буквально рванул прочь из столовой.

С неожиданной лёгкостью в сердце и затаённой улыбкой на устах Роксана вышла на тренировочную площадку. Альтаис сидел на своей привычной лавке, как всегда, обнажённый по пояс, и его осанка, как и всегда, излучала ледяное, отчуждённое спокойствие. Она давно при-

выкла к этой его каменной маске, но сегодня вечером он казался ещё мрачнее обычного, словно сама тьма сгустилась вокруг него.

– Ты опоздала, – его голос прозвучал ровно, но фиолетовые глаза сверкнули, как лезвия.

– А вот и нет, – парировала она, всё ещё пытаясь удержать остатки своего хорошего настроения. – У меня в запасе целых шесть минут.

Её улыбка, казалось, не растрогала его, а, наоборот, вызвала раздражение. Он поднялся, и его тень накрыла её.

– Герцог недоволен твоим прогрессом. Как, впрочем, и я, – вынес он приговор.

Улыбка мгновенно сползла с её лица, уступив место горькому разочарованию. Она выложила сегодня утром до последней капли сил, преодолевая боль и истощение. И всё это – чтобы услышать «недоволен»?

– И что же именно не устроило его? И тебя? – её голос прозвучал резче, чем она планировала. Она скрестила руки на груди, защищаясь от этого ледяного напора.

– Четыре цели для одновременной защиты и поглощения магии, – его слова падали, как удары молота, – это ничтожно мало. В твоём отряде будет не меньше десяти человек. Ты планируешь защищать лишь избранных? Остальных оставить умирать? – Ему не нужно было кричать. Того обжигающего, презрительного льда, что звенел в его тихом голосе, было более чем достаточно, чтобы пронзить её до самых костей.

– Ты же сам видел, на что я способна! Я выложила полностью! – в её голосе прозвучало отчаяние, которое она так старалась скрыть. – За один год я не только пробудила дар, но и научилась удерживать четыре цели! Не ты ли сам сказал, что для такого срока это невероятный результат?

– Ты хочешь жить в двух мирах одновременно, Роксана, и это твоя главная слабость! – он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до нуля. Его движение было стремительным и угрожающим. Он схватил её за руку, не больно, но неотвратно, и поднял её на уровень их глаз. Золотое кольцо с чёрным камнем сверкнуло в свете факелов. – Вот что для тебя важно! Украшения, эмоции, привязанности! Не холодная необходимость. Не долг. Не выживание.

– Сегодня мой день рождения, – прошипела она, пытаясь вырвать руку, но его хватка была стальной. – И мне подарили немного тепла в тот самый момент, когда я от усталости не могла ложку ко рту поднести! И да, это чертовски важно! Быть щитом не означает перестать быть человеком, Альтаис!

– Быть щитом значит быть одной, не иметь чувств, не иметь слабостей! – он смотрел ей прямо в глаза, его лицо не менялось, беспристрастный взгляд в самую душу.

С последними словами ей всё же удалось резко дернуть руку и освободиться. Она отступила на шаг, её грудь вздымалась от гнева и обиды, а глаза, казалось, вспыхнули фиолетовым огнём, бросив вызов холодному сиянию его взгляда.

– Чувства не мешают мне держать четыре цели и сражаться! – выкрикнула она, отчаянно защищая последние крупницы своей человечности.

– Потому и всего четыре! – его голос прозвучал как удар хлыста. Он сделал шаг вперёд, используя свой рост и физическое превосходство, чтобы подавить её, заставить отступить. – Когда твой разум чист, а сердце пусто, ты сможешь держать десять. Двадцать. Столько, сколько потребуется.

– Мне нужно время! Мои способности только развиваются! Ты не можешь этого не понимать! – её голос надломился, предательски задрожав. Она плотно сжала губы, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы, которые она отчаянно пыталась сдержать.

– У тебя НЕТ этого времени! – его слова обрушились на неё с весом гири. – Ты разве ещё не поняла?

Роксана замерла. Ледышка ужаса медленно и верно прошла по её позвоночнику. Секунда осознания показалась вечностью.

– Нет... – она мотала головой, словно могла отмахнуться от неизбежного. – Нет! Я не хочу! Я не стану! Нет... – Её дыхание перехватило, сердце заколотилось с такой бешеной силой, что в висках застучало, а мир поплыл перед глазами.

– Альтаис, скажи им, что я не могу! Скажи, что я не готова! – внезапно, с отчаянной мольбой, она вцепилась в его руку, её пальцы впились в его мускулы, а взгляд умолял о спасении. – Ммм? Скажешь?

– Я не могу. Ты же прекрасно знаешь почему, – он высвободил свою руку из её судорожной хватки, но не отошёл. Он оставался рядом, холодный свидетель её надвигающегося краха.

Роксану затрясло крупной, неконтролируемой дрожью. Слёзы, страх и осознание полной беспомощности накатили такой волной, что её зубы застучали, словно весь ледяной север разом проник в её кости.

– Роксана, – его голос прозвучал чуть тише, и он протянул руку, но она отпрянула, как от раскалённого железа, сдавленно вскрикнув.

– Когда? – её голос был хриплым шёпотом. Она смотрела на него глазами загнанного в угол зверя, в которых читались ужас и последняя, тлеющая искра надежды.

– Всё уже началось. Официальный праздник во дворце – лишь прикрытие для мобилизации. Мы отправимся сразу после него. Ориентировочно... через месяц.

– Вместе? – она отчаянно пыталась найти хоть какую-то опору в этом рушащемся мире.

– Нет. Во всей королевской армии всего четыре Щита, включая нас. Мы будем прикреплены к разным элитным ударным отрядам на самых горячих участках. – Для него это была старая, знакомая дорога. Он знал, что их ждёт. Роксана же не могла даже представить, каково это – вонзить клинок в живую плоть, увидеть, как гаснет свет в чужих глазах по приказу.

– Нас разорвут... Нас слишком мало... – её голос стал тонким, почти беззвучным, словно уходящим в себя.

– Король официально запретил целенаправленное уничтожение Щитов, – Альтаис скрестил руки на груди, его поза была непроницаемой. – Но на поле боя случается всякое, Роксана.

– О боги... – Она оступилась, как подкошенная, и грузно осела на холодную, утоптанную землю площадки. Она жадно, судорожно глотала ртом воздух, но паника сжимала горло, не давая дышать, затуманивая сознание.

– Иди к себе. От тебя сегодня не будет никакого толку, – Альтаис резко повернулся к ней спиной. Он сделал глубокий вдох, подавив подступающую ярость – и на неё, и на себя, и на всю эту проклятую систему, – собрал свои вещи и зашагал прочь. Прочь с площадки. Прочь от этих душераздирающих всхлипов, полных животного страха. Прочь от самого себя и собственного бессилия что-либо изменить.

Роксана резко поднялась, с силой вытирая лицо грубым рукавом формы. Спотыкаясь и не видя дороги от слёз, она побрела к своей комнате. Заперев дверь на ключ, она бросилась в ванную, с силой включила ледяную воду и стала умываться, пока кожа не онемела, а затем изо всех сил хлопнула себя по щекам, пытаясь прекратить истерику.

– Думай! – приказала она себе, глядя в своё заплаканное отражение в зеркале. – Ну же, думай, чёрт возьми! – В ярости и отчаянии она со всей силы стукнула кулаком по кафельной стене, но кроме пронзительной боли и звона в костяшках ничего не ощутила.

Вернувшись в комнату, она рухнула на кровать, вцепившись в подушку, как утопающий в соломинку. Бежать было некуда – это осознание жгло изнутри. Всё это время она подсознательно откладывала создание реального плана, лелея наивную надежду, что у неё впереди ещё годы. Она жестоко просчиталась. Жалкая горсть монет, скопленная ценой лишений, не стала пропуском к свободе. Придворные ищейки с их магическими артефактами и сетью осведомителей найдут её где угодно. И тогда участь её будет куда страшнее простой смерти на поле боя.

Просить помощи у Лили и Демьяна она не могла. Их хрупкое счастье только обрело почву под ногами, и её проблемы – щит, приговоренный к войне, – могли разрушить всё в одночасье.

Втягивать в свои проблемы людей, которые поддерживали её все это время, было бы верхом эгоизма, на который она была не способна.

Оставался один путь – принять свою судьбу. Остаться. Быть наравне с другими, знать, что их ждёт, и пытаться контролировать ситуацию в меру своих сил. Возможно, в решающий момент это знание и хладнокровие позволят ей спасти свою жизнь. Этот путь был всё же лучше бега в никуда, с постоянной оглядкой на тень, и неизбежного, позорного возвращения в столицу в наручниках.

Решение, холодное и тяжёлое, как глыба, опустилось на дно её сознания. Она поднялась с кровати, накинула на плечи чёрную мантию, скрывая под её глубоким капюшоном заплаканное лицо и красные глаза. Покинув комнату, она быстрыми шагами спустилась вниз и вышла в ночь. Башня некромантов стояла поодаль от главного здания, в своём собственном, отчуждённом мирке, и сейчас это было к лучшему – меньше шансов встретить кого-либо на пути.

Внутри царила гробовая тишина, нарушаемая лишь скрипом её собственных шагов. Лео и Тео, скорее всего, проводили время в подвале, склонившись над анатомическими столами, или на городском кладбище, практикуя свою мрачную магию.

Ступив на винтовую лестницу, она стала быстро подниматься, минуя один этаж за другим, пока не достигла последнего. Лёгкие горели, щёки пылали, а сердце бешено колотилось в груди – то ли от быстрого подъема, то ли от предчувствия.

– Альтаис? – её голос прозвучал чуть слышно, когда она коснулась двери его покоев. Но рука замерла в воздухе.

Странные звуки, доносившиеся из-за двери, заставили её насторожиться. Это был неясный, прерывистый шёпот, перемежающийся с тихими, всхлипывающими вздохами.

Воздух, обычно пропитанный запахом старого пергамента, сухих трав и холодного камня, сегодня был тяжёлым, густым и сладковатым, с нотками дорогих духов и чего-то тревожаще-животного.

Она замерла, сердце вдруг застучало где-то в горле, перехватывая дыхание. Медленно, почти не дыша, она приоткрыла массивную дверь на волосок и прильнула к щели.

В центре аскетичной комнаты, в столпе призрачного лунного света, падавшего из высокого окна, стоял Альтаис. Его мощная, идеально сложенная фигура была выпрямлена в струну. Одна рука с длинными, изящными пальцами лежала на голове девушки, склонившейся перед ним на коленях. Это была Эми. Её пальцы беспомощно впились в мускулистые бедра, а плечи мелко вздрагивали в такт тем самым сдавленным, униженным звукам, что и долетели до Роксаны.

Но поражало не это. Поражало его лицо. Оно оставалось абсолютно спокойным, почти каменным. Его фиолетовый взгляд был устремлён не на трепетную девушку у его ног, а в непроглядную тьму за окном, будто его сознание парило где-то далеко, за пределами этих стен. Он не руководил ею, не наслаждался моментом, не выражал ни страсти, ни власти. Он просто позволял. Принимал эту дань, это поклонение с видом абсолютного, отстранённого и почти скучающего владычества. Он брал то, что ему приносили, без малейшей искры интереса или участия.

Роксана почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. Ей захотелось отшатнуться, убежать, стереть эту картину из памяти, но ноги будто вросли в каменные плиты пола. И в этот миг случилось невозможное.

Взгляд Альтаиса медленно, почти нехотя, оторвался от ночного неба и скользнул через полумрак комнаты прямо к двери. Прямо в узкую щель, за которой, затаив дыхание, стояла она. Его тёмные, фиолетовые глаза, холодные и бездонные, встретились с её широко раскрытыми от шока и отвращения. Ни тени удивления, ни вспышки гнева, ни капли смущения. Лишь всеобъемлющая, всё понимающая пустота и безраздельная, леденящая душу власть.

Он видел её. И ему было абсолютно всё равно, что она стала свидетельницей его частной, отвратительной правды.

Вырвавшись на ночной воздух, она тяжело, с хрипом вдохнула, пытаясь очистить лёгкие от сладковато-тошнотворного запаха, что вьёлся в ноздри. Всего около часа назад он читал ей проповедь о долге, о пустоте, о том, как её чувства и привязанности мешают ей стать идеальным оружием! А сам... сам предавался низменной похоти с первой же юбкой, что бросилась ему в ноги. Девушку залила волна кипящей, удушающей злости. Она крепко сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и ей захотелось закричать, разорвав эту ночную тишину.

– О, Рокси, ты пришла в гости? – Лео бежал к ней, беззаботно размахивая рукой, но замер в паре метров, почувствовав исходящее от неё почти физическое жаркое излучение ярости.

– Вы когда-нибудь щит вскрывали? – её голос прозвучал хрипло и не своим тембром, заставив парня инстинктивно отступать.

– Нет, но было бы неплохо изучить... – начал он, но его перебил Тео, появившийся позади как тень.

– Скоро я тебе это устрою! – бросила она сквозь стиснутые зубы и, не дожидаясь ответа, развернулась и пошла прочь, оставив близнецов в полном недоумении.

Сгорая от гнева, Роксана почти бегом направилась к закрытому тренировочному комплексу внутри замка. Хлопнув дверью так, что с петель слетела щеколда, она с силой скинула с себя мантию. Из бочки она выхватила деревянный короткий клинок – тот самый, с которым её когда-то начинал учить он. Громкие, яростные удары обрушились на манекены. Роксана не жалея сил «убивала» их снова и снова, в ярости представляя на их месте то самое бесстрастное, прекрасное и отвратительное лицо. В ушах стоял навязчивый звук тех мерзких ласк, перед глазами – его пустой взгляд, в ноздрях – этот душистый, сладкий запах, смешанный с потом.

– Гад! – она всадила деревянный клинок в «живот» манекена с такой силой, что тот треснул.

– Урод! – следующий удар под углом пришёлся по «шее». Не выдержав напора, голова слетела с плеч и с глухим стуком покатила по полу.

– Скотина! – заключительный удар она сопроводила резким подсекающим движением ноги, и манекен с грохотом рухнул наземь.

Дверь с тихим скрипом отворилась. Роксана развернулась, испепеляя взглядом того, кто посмел нарушить её затворничество. В проёме стоял Альтаис. Он вошёл с присущим ему ледяным спокойствием, его лицо и осанка были безупречны. Ни тени усталости, ни намёка на смущение или страсть. Он выглядел так, будто только что вышел из стерильной лаборатории, а не из объятий влюбленной в него девушки.

– Злость – самый бесполезный и слепой из учителей, Роксана, – произнёс он, закладывая руки за спину. Его голос был ровным, как поверхность озера.

– Бери оружие! – она резко указала на бочку с деревянными мечами.

– Думаю, пришло время отложить детские игрушки в сторону, – он даже не взглянул на бочку, а направился к стойке с настоящим, отточенным оружием. Проведя подушечкой большого пальца по лезвию одного из коротких клинков, он оценил остроту, затем взял два и, не глядя, метнул один из них ей в руки. Роксана инстинктивно поймала его, и сталь холодной тяжестью легла в её ладонь. Она сделала короткий, отточенный взмах, описывая в воздухе восьмёрку, привыкая к весу и балансу.

– Что вывело тебя из равновесия настолько, что ты громишь казённое имущество? – он встал в свою безупречную боевую стойку, его тело расслаблено и готово к движению.

Она не ответила. Выждав момент, когда его взгляд на долю секунды отвлёкся, она бросилась в атаку.

Стальной клинок со свистом рассекал воздух. Роксана атаковала яростно, почти отчаянно, её удары были грубыми, неотработанными, но несущими в себе всю мощь её гнева. Альтаис парировал с пугающей, почти машинной легкостью. Его собственный меч описывал

короткие, точные, экономные дуги, отводя её яростные выпады. Он не контратаковал, лишь защищался, заставляя её растрачивать и без того истощённые силы.

– Сегодня твоя техника удивительно нескоординированна, – заметил он, отбивая удар, направленный в плечо. – Будто твои мысли витают где-то далеко от этого зала. Или, быть может, они слишком прикованы к чему-то одному?

Его слова, отточенные, как его клинок, впились в неё более лезвия. С рыком она рванулась вперёд, нанося низкий подсекающий удар по ногам.

– Замолчи!

Он отступил на полшага, и сталь со злобным шелестом рассекла воздух в сантиметре от его голени.

– Интересно, что вызывает такую дрожь в твоих руках? Холод стали? – он парировал следующий удар, и их клинки с громким лязгом сошлись. – Или всё же жар? Тот самый, что выжигает изнутри и застилает разум?

Роксана попыталась провести серию быстрых, яростных атак, но каждый её удар встречал стальной, бездушный ответ. Её дыхание сбилось, превратившись в прерывистые хрипы, а по спине струился ледяной пот, смешиваясь с жаром ярости.

– Эми сегодня жаловалась на боль в коленях, – продолжил он, его голос оставался ровным и бесстрастным, будто он читал лекцию по тактике. – Капризная девочка. Совсем не приспособлена к малейшему дискомфорту. В отличие от тебя. Тебя нужно ломать через боль.

Слово «дискомфорт», произнесённое с той же лёгкостью, с какой он говорил о погоде, взбесило её окончательно. С низким криком она пошла в решающую, слепую атаку, забыв обо всех уроках защиты, о стойках, о тактике – в ней остался только гнев. И эта первобытная ярость неожиданно дала результат – её клинок подсекал его меч у самой гарды, и оружие с тяжёлым, глухим стуком полетело на каменный пол.

Альтаис остался безоружным. На его бесстрастном лице на мгновение мелькнуло нечто вроде холодного уважения к её ярости, но тут же сменилось привычной готовностью. Роксана замерла на долю секунды, чувствуя пьянящий, огненный вкус победы.

Этого мгновения хватило.

Он не стал отступать или поднимать оружие. Вместо этого он резко шагнул вперёд, внутрь её дистанции, туда, где длинный клинок становился бесполезен. Его рука молнией схватила её запястье, вторая с силой толкнула в ключицу. Она не успела даже среагировать, потеряла равновесие и с тяжёлым, унижительным стуком ударилась спиной о пол, выронив оружие. Звон стали отозвался в тишине зала.

Всё произошло быстрее, чем она успела осознать. Его вес обрушился на неё, колено придавило бедро, а железная хватка на запястье сковала любое движение. Она оказалась прижата к холодному камню, её лицо было в сантиметре от его груди, она чувствовала исходящее от него ровное, спокойное тепло. Она отчаянно пыталась вырваться, дёргаясь всем телом, но он был недвижим, как гранитная глыба.

Он наклонился, и его губы почти коснулись её уха. Шёпот был тихим, холодным и безжалостным, как удар кинжала.

– Победа над оружием – ещё не победа над воином. Жаль, ты всегда забываешь об этом в самый важный момент. Ярость ослепляет. А слепой – лёгкая добыча.

Его дыхание было ровным, будто он не проделал ни единого лишнего движения. Он продержал её так несколько невыносимо долгих секунд, давая прочувствовать всю горечь поражения и полноту его превосходства, а затем так же резко отпустил и поднялся, отряхиваясь.

Он стоял над ней, не удостоив её больше ни словом, ни взглядом, как будто она была всего лишь ещё одним поверженным манекеном. Она лежала, пытаясь перевести дух, сжимая кулаки от смеси ярости, стыда и унижения. Он снова всё обратил в урок. И она снова его провалила.

– Ты отчитал меня за подарки, за чувства... а сам... – она резко поднялась, не находя подходящего слова, которое могло бы выразить всю глубину его лицемерия.

– Эта девка для меня – ничто. А кольцо на твоём пальце заставило тебя забыть о том, кто ты есть и какому долгу служишь! – холодно, отчеканивая каждое слово, бросил он, поднимая с пола своё оружие.

– Но она... она любит тебя... – выдохнула Роксана, сама не понимая, зачем вступает в эти споры.

– И что? – его вопрос прозвучал с искренним, леденящим душу недоумением. Роксана опешила от такой откровенной, хладнокровной жестокости.

– Ты... бесчувственный монстр!

– Ты полна ярости из-за вещи, что тебя совсем не касается! – впервые за всё время их знакомства его голос обрёл резкость и громкость, сорвавшись на крик, от которого она невольно сжалась, инстинктивно поджав губы. – Тратишь силы, которые должны быть направлены на выживание, на пустое морализаторство!

– Желания тела подвластны контролю! – он продолжал, медленно наступая на неё, и каждый его шаг заставлял её отступать. – Голод, холод, похоть – всё это биология. Ей можно управлять. А желания сердца – нет! Ради утоления похоти ты не предашь ни себя, ни своих соратников! А ради любви... – он остановился, и его фиолетовый взгляд прожигал её насквозь, – ради любви человек спалит весь мир дотла, предаст клятвы и обречёт на смерть тысячи! Почему я должен объяснять тебе столь простые и очевидные вещи?! Почему ты отказываешься видеть разницу между управляемым инстинктом и всепоглощающей чумой под названием «чувства»?!

– Всего месяц. У тебя есть месяц, чтобы научиться не умирать, Роксана. Приди в себя. И оставь свою детскую наивность и это губительное сострадание позади! – Он понизил голос до усталого шёпота. В его взгляде, обычно ледяном, читалось не раздражение, а тяжесть, граничащая с отчаянием.

– Мне страшно... – вырвалось у неё, голос сломался на детском всхлипе, сметая всю выстроенную стену ярости и обид.

Он не ответил. Вместо этого Альтаис резко закрыл расстояние и притянул её к себе. Его объятие не было нежным – оно было крепким, почти грубым, словно он пытался физически сдержать её дрожь.

– Боги действительно прокляли меня, послав тебя, – прошептал он, уткнувшись подбородком в макушку. Он поймал их отражение в тёмном окне зала: она казалась такой маленькой и хрупкой на фоне его мощной фигуры, словно хрустальная безделушка. Как нечто столь ломкое может держать меч? Может поглощать магию целого отряда? Может выжить там, куда её посылают?

– Альтаис... – она сама вцепилась в его спину, сжимая в кулаках мокрую от пота ткань его тренировочной куртки, ища хоть какую-то опору в этом объятии, лишённом тепла, но полном странной, суровой надёжности.

– У тебя нет выбора. Никто не изменит твоей судьбы, кроме тебя самой, – его голос прозвучал прямо у уха, жёстко и бескомпромиссно. – Отринь чувства. Умертви в себе всё, что шепчет о страхе и жалости. Выбрось это прочь и желай лишь одного – Силы. Только обретя её, ты станешь по-настоящему свободной.

И прежде чем она успела что-либо ответить, понять, осмыслить, он резко отстранился. Его руки отпустили её, и она пошатнулась, лишившись внезапной поддержки. Не глядя на неё, он развернулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась с тихим, но окончательным щелчком. Альтаис снова исчез, как призрак, оставив её в гулкой тишине зала одну – с холодом в костях и эхом его слов в ушах.

Роксана резко распахнула глаза. Знакомый потолок, слабый утренний свет в окне. Она смутно припоминала, как доплелась до своей комнаты и рухнула на кровать, захлёбываясь слезами, пока истощение не погрузило её в тяжелое, беспросветное забытие.

В ванной её ждал неприятный сюрприз в виде отражения: лицо было распухшим и красным, веки заплыли, губы казались чужими. Она с отвращением отвернулась, открыла кран и подставила лицо под ледяную струю. Вода обожгла кожу, заставив зубы сжаться от резкого холода. Ещё раз. И ещё. Пока мурашки не поползли по всему телу, а сознание не прочистилось до хрустальной, болезненной ясности. Затем – ледяная ванна, сковывающая мышцы, но возвращающая контроль. Переделалась в чистое, и – на тренировочную площадку. На душе было пусто и странно спокойно. Словно вместе со слезами и истерикой ушли и последние остатки страха. Осталась лишь необходимость.

– Выглядишь ужасно, – Альтаис, уже ожидавший её, бросил беглый, оценивающий взгляд.

– Разве у нас есть время обсуждать мою внешность? – Она прошла мимо, не глядя на него, и сбросила мантию на ту самую лавку. Её голос был ровным, лишённым прежних эмоций.

– Здесь я с тобой согласен, – он кивнул, и в его тоне сквозило лёгкое, почти незаметное одобрение. – Я пересмотрел наш график. Внёс коррективы. Отныне от тебя потребуются абсолютная стойкость. Никаких поблажек.

Он наблюдал за ней, ожидая протеста, возражения, чего-то. Но последовала лишь тишина. Она просто стояла, готовая к приказу. Это молчаливое принятие было не в её характере, и это настораживало. Но лезть в душу не имело смысла. Свою часть работы он делал. Как она с этим справляется – было её личным делом.

Цена, которую платила Роксана, становилась всё осязательнее с каждым днём. Тренировки Альтаиса превратились в изощрённую пытку. Его требования были выверены до миллиметра и лишены всякого милосердия. Каждое занятие вытягивало из неё все соки, доводя тело до предела, за которым следовало только онемение. Мышцы горели огнём, магия внутри клокотала и рвалась наружу, словно протестуя против такого насилия над собой. Но она продолжала. Без вопросов. Без жалоб. Механически выполняя команды.

С Лили и Демьяном она все же виделась – урывками, в коридорах, украдкой. Они поймали её однажды, их лица сияли. Они захлёб рассказывали о свадьбе, о планах, о будущем, ловили её руки. Роксана улыбнулась. Поздравила. Даже обняла их. Но её улыбка была отрепетированной маской, а в глазах, куда они с надеждой вглядывались, они увидели лишь ровную, непробиваемую стену. У неё не осталось ни душевных сил, ни времени, чтобы по-настоящему разделить их счастье. Она уже жила в ином измерении – в мире, где чувства приравнивались к слабости, а любая слабость каралась смертью.

Прошло три с половиной недели. И всё же усилия дали свой результат – её магия окрепла, расширилась, и теперь она могла охватить защитным полем ещё одного человека. Это было достижение, выстраданное потом и болью. Но не победа. Она знала: в грядущем аду этого всё равно будет ничтожно мало. Альтаис не похвалил её, лишь коротко кивнул, как будто это был лишь ожидаемый, минимальный шаг на долгом пути.

Роксана смотрела на свои руки, чувствуя, как они мелко дрожат – не от мышечной усталости, а от того вечного внутреннего напряжения, что стало её новым естеством. Она стала сильнее. Но в этой силе не было радости, лишь гулкое, ледяное одиночество.

Вечером, в своей комнате, кольцо на пальце мерцало в свете одинокой свечи. И вдруг, словно вызванный этим блеском, в носу появился призрачный, но отчётливый запах бадьяна, а в ушах отозвался тот самый, низкий и спокойный голос. Она невольно мягко улыбнулась. Слишком часто в последнее время её мысли возвращались к тому незнакомцу. Кто он? Чем живёт? Каков его мир, столь отличный от её реальности, полной боли и приказов?

Недолго думая, почти повинувшись импульсу, Роксана поднялась и села за стол. Обмакнув острое перо в чернильницу, она приступила к письму, её почерк был нетвёрдым, но решительным.

«Спонтанное решение написать тебе, дорогой мой спаситель. Прошу простить мою наглость, но я чувствую, что снова нуждаюсь в твоей помощи.

Нет, ты не обязан, это я прекрасно понимаю. Но вдруг в твоём сердце найдётся место, чтобы снова спасти девушку из беды? Звучит смешно, я знаю...

Как и ты, я не мастер писать письма. Признаться, это первое в моей жизни. Хотя, полагаю, это не так уж и важно.

Перейду к сути. Назрели обстоятельства, что вскоре уведут меня прочь из Каизгара. И я боюсь, что больше никогда не смогу с тобой встретиться. Потому я буду ждать тебя сегодня на той самой поляне, где проходило празднество. Ровно в десять вечера.

Нагло? Возможно. Но моё сердце велит мне поступить именно так.»

Девушка легонько подула на бумагу, и чернила быстро высохли. Она сжала губы, затем с силой прижала к углу письма свою личную, маленькую печать – стилизованное изображение восходящего солнца, в честь её имени. Выйдя из комнаты, она твёрдыми шагами направилась к единственному человеку, который мог доставить послание.

Она громко постучала в тяжёлую дверь, но ответа не последовало. Не оставляя попыток, она продолжала настойчиво стучать, пока дверь не отворилась.

– Какого хрена? – в проёме показался Демьян с помятым, сонным лицом, его волосы были всклокочены.

– Прости, мне срочно нужна твоя помощь, – её голос звучал собранно, но с ноткой отчаянной спешки. – Иначе я бы не побеспокоила тебя в такой час.

Он тяжело вздохнул, тряхнув головой, чтобы прогнать остатки сна.

– Да, Ро, я весь во внимании. Что случилось? – он жестом предложил войти, но она лишь покачала головой и протянула ему аккуратно сложенный конверт.

– Передай это тому, кто подарил мне кольцо. Прошу, он должен получить его как можно скорее.

Демьян окончательно проснулся, его взгляд упал на свежую сургучную печать на белоснежном конверте.

– Хорошо, Ро, я сделаю это, – он кивнул, уже оценивая в уме логистику. – Доставлю в течение часа. Мне только нужно привести себя в человеческий вид. – Он указал пальцем на свой голый торс и спутанные волосы.

– Спасибо. Мне пора, Альтаис...

– Твой Альтаис – настоящий садист, – вдруг резко сказал Демьян, его взгляд стал пристальным и обеспокоенным. – Ты перестала быть похожа на себя, Ро. Ты выглядишь измождённой. Я привезу тебе укрепляющих настоек, ладно?

– Спасибо, – она лишь снова кивнула, её мысли уже были далеко. – Мне правда пора.

Она развернулась и быстро зашагала прочь, её чёрная мантия взметнулась за ней как тень. Она особо не надеялась, что её таинственный спаситель вновь откликнется. Но в глубине души теплилась слабая искра надежды – было бы невыразимо приятно снова увидеть его, просто поговорить и, быть может, снова почувствовать подобие того спокойствия, что он подарил ей тогда. В прошлый раз ему удалось одним лишь разговором развеять её тревоги. Вот и сейчас, возможно, его чары снова смогут ненадолго отвлечь её от надвигающейся тьмы.

День начался как обычно – с изматывающей тренировки, настолько жестокой, что боль стала её привычным, почти фоновым состоянием. Альтаис был мрачнее и холоднее обычного,

его команды – отточенными и безжалостными, будто высеченными из льда. Время от времени он бросал короткие, контрольные фразы, проверяя её пределы: «Слабее, чем вчера», «Сосредоточься, или сломаешься».

Быстрый, почти машинальный обед был прерван взволнованными рассказами Лили о завтрашней свадьбе. Подруга отвела ей роль подружки невесты, и теперь Роксана должна была быть «красивой, улыбчивой и бросать лепестки роз». Девушка внутренне содрогнулась от этой роли – ей хотелось спрятаться в тени, а не сиять в центре внимания. Но отказать Лили, увидев тот огонёк счастья в её глазах, она не могла.

После обеда – снова тренировка. Затем ужин, проглоченный за пять минут, и снова тренировка, уже в полной темноте, под холодными звёздами.

В конце концов Роксана без сил рухнула на прохладную траву, её грудь тяжело вздымалась, а в горле стоял вкус крови. Магия внутри тела пылала, словно раскалённая кочерга, – дурной знак, предвестник истощения. Но Альтаису было плевать. Да и ей тоже. Какая, в сущности, разница – сгореть сейчас от перенапряжения или через несколько дней в первой же схватке с Тёмными?

– Завтра – твой последний день. Насладись праздником. Потом будет только кровь, – бросил он через плечо, уже направляясь к тёмным силуэтам замка, его фигура растворялась в ночи.

– Как же! – с горькой иронией выдохнула она ему вслед.

Роксана резко поднялась, отряхнулась и почти побежала к своей комнате. Времени оставалось в обрез. Сегодня она отчаянно хотела быть не солдатом, а просто девушкой – красивой, пахнущей не потом, а цветами.

Наскоро проникнув на кухню, она стащила ещё тёплый ягодный пирог, заварила ароматный чай в дорожную деревянную флягу и прихватила пару грубых, но милых сердцу чашек. Настроение, невесть откуда, начало подниматься. Она ловко проскользнула через лабиринт и вырвалась на поляну в Запретном лесу.

Но поляна была пуста. Сердце на мгновение сжалось. Разложив свою нехитрую добычу на грубом столе, она зажгла несколько факелов, отодвинув их подальше, чтобы создать островок уюта в океане тьмы, и принялась ждать. Время текло, медленное и неумолимое. Настроение таяло так же быстро, как иней под первыми лучами утреннего солнца. Она просидела достаточно долго, но возвращаться в свою каменную клетку не было ни сил, ни желания.

В конце концов она поднялась, достала из под стола бутылку «Стикса» и с решительным видом наполнила чашу до краёв. Один из факелов, словно в такт её угасающим надеждам, с шипением погас. Она не стала его снова зажигать. Мрак сейчас был ей куда ближе, чем любой свет.

– За тебя, наивная дура! – провозгласила она своему отражению в тёмной поверхности напитка и залпом осушила чашу, чувствуя, как обжигающая жидкость разливается теплом по жилам. Она снова налила, усмехнулась, понимая, что одной бутылки ей в эту ночь явно не хватит.

– Не знал, что меня позвали в качестве подкрепления для штурма этого огненного вала, – раздался спокойный, знакомый голос с края поляны.

Роксана резко обернулась. Он стоял там, прислонившись к стволу дерева, его лицо освещала та самая, чуть насмешливая улыбка.

– Я уже думала, ты не придёшь! – вырвалось у неё, и она тут же поджала губы, пытаясь скрыть непрощеную волну облегчения и радости.

– Так от чего же я должен спасти прекрасную девушку на сей раз? – он подошёл и устроился напротив, взяв в руки бутылку и с интересом её рассмотрев. – От этого сомнительного спасения?

– Она появилась на свет ровно тогда, когда я решила, что проведу этот вечер в гордом одиночестве! – парировала она. – А ты... ты можешь выпить чаю. – Она пододвинула к нему деревянную флягу.

– Полагаю, сегодня я могу составить тебе компанию и в этом, – он с улыбкой налил себе в чашу, сделал пару глотков и одобрительно кивнул. – Но «Стикс»... он куда интереснее.

– Почему ты пришёл? – не удержалась она, пристально глядя на него. Эти яркие, как молодая листва, глаза на фоне белоснежных волос и черт лица, будто высеченных резцом мастера... В голове мелькнула крамольная мысль: она ему не пара. Она – маленькая, бледная, с алыми волосами и пугающими фиалковыми глазами. Он – словно сошедший с древнего фрески герой, сияющий и недостижимый.

– Ты меня позвала, – он удивился её вопросу, слегка приподняв бровь.

– Да, но... мы не настолько близкие друзья, чтобы бросать все дела ради странного письма, написанного спустя год, – она пожала плечами, пытаясь звучать легко, но в её голосе проскальзывала неуверенность.

– Может быть, я как раз и ждал этого письма, – он допил свою чашу и медленно, почти ритуально, наполнил её снова. Его взгляд был прикован к ней, изучающий и мягкий.

– Не верю, – она фыркнула, но тут же смягчилась. – Хотя... разве это теперь имеет значение, раз ты здесь? – На её губах дрогнула улыбка – первая за долгое время, настоящая, не вымученная.

– Спасибо за подарок, – она встрепенулась, отгоняя подступающую тоску и указывая на кольцо. – Оно мне безумно нравится.

– Хотел вручить его сразу, но решил, что на день рождения будет уместнее. Рад, что тебе пришлось по душе, – мужчина внимательно рассматривал девушку. Она сильно изменилась. И без того хрупкая, она стала почти прозрачной, исхудавшей. Мягкие, детские щёчки втянулись, обнажив резкие скулы, что придавало её лицу суровую, отчуждённую строгость. Тёмные тени под глазами говорили о хроническом истощении лучше любых слов. Кольцо, что должно было плотно сидеть, теперь болталось на исхудавшем пальце. А глаза... некогда тёплые, карие глаза, в которых плескалось озеро Лояна, сменились холодным, бездонным фиолетом, что тихо мерцал в свете факелов. Она овладела даром. Но цена, которую она заплатила, была написана на её лице, и он с ужасом читал эти строки. Он понимал, почему так вышло. Он знал. Но разве мог он подумать, что Намтар, его друг, дойдет до такого с этой хрупкой, ломкой девушкой?

– Тебе пришлось нелегко, – не вопрос, а констатация, вырвавшаяся у него с произвольной горечью.

– Альтаис – мастер по выбиванию души из человека, – она усмехнулась. – Но всё это ради меня. Чтобы я не умерла там, впереди. Так что... я не в обиде. – Её улыбка была измученной, уставшей до самого нутра, но в ней не было лжи.

– Ты позвала меня не просто так, верно? – он инстинктивно напрягся, внутренне готовясь к любой, самой тяжелой просьбе, которую он был обязан исполнить.

– Мне ничего не нужно, – тихо сказала она, опуская глаза в чашу, пытаясь скрыть проступивший на бледных щеках румянец. – Просто... я хотела увидеть тебя перед отъездом. Вот и всё.

Мужчина не смог сдержать мягкой, почти невесомой улыбки. Она запала ему в душу ещё тогда, в ту ночь на кухне. Он и сам хотел найти её, услышать её голос, но не знал как – и боялся, что она его уже не помнит.

– Не веришь? – Роксана уловила его задумчивый, отрешённый взгляд.

– Намтар отправляет тебя на фронт? – его голос потерял всю свою мягкость, став резким и точным.

Девушка резко подняла на него голову, а затем горько усмехнулась. «Конечно, – пронеслось в голове, – он первый узнал о помолвке принца. И это для него не секрет».

– Да, – коротко выдохнула она. – Не думаю, что вернусь... Я слишком слаба. Всего пять целей. Меня разорвут в клочья в первом же бою.

Мужчина резко сжал губы, его пальцы непроизвольно впились в дерево стола. Пять целей. За год. Это не тренировка. Это планомерное, методичное уничтожение. Здоровое развитие щита без риска для жизни и рассудка – это пять лет кропотливой работы до первых пяти целей, но никак не год адских мучений. Внутри него что-то холодное и тяжёлое перевернулось. Впервые в жизни ему с непреодолимой силой захотелось схватить своего старого друга Намтара за горло и вбить ему в череп всю чудовищность его расчётов.

– К кому прикрепили? – его голос стал низким и опасным, взгляд утратил всю теплоту, став аналитическим и жёстким.

– Не знаю. Но полагаю, к кому-то... не самому важному. Учитывая мои скромные способности, – она с горькой иронией осушила чашу и снова наполнила.

Мужчина внезапно поднялся из-за стола. Сделав последний глоток, она обернулась к нему, вопрос читался в её уставших глазах.

– Подойди, – он протянул к ней руку, не как приказ, а как приглашение.

Роксана медленно поднялась, чувствуя, как от напитка и усталости в теле появилась странная, плывущая слабость. Пара неуверенных шагов – и она оказалась перед ним, заставляя себя смотреть снизу вверх в его прекрасные, серьёзные глаза, в которых теперь плескалась буря.

– Повернись, – его голос прозвучал мягко, но властно. Её пристальный, изучающий взгляд заставил его губы дрогнуть в лёгкой улыбке. Она послушно повернулась спиной, чувствуя, как тяжёлые, тёплые ладони легли на ее напряжённые плечи.

– Ты ведь знаешь, кем я являюсь. Повелевать душами – не простое искусство. Как и расширять пределы твоего щита, – его слова лились тихо и плавно. – Закрой глаза, Роксана.

Она почувствовала его дыхание – обжигающе тёплое – совсем рядом с ухом. Его спокойный, уверенный голос внушал абсолютное доверие и рождал почти инстинктивное желание подчиниться. А тот знакомый аромат бадьяна, смешанный с дымом и чем-то неуловимо мужским, окутывал её, как самое надёжное в мире одеяло. Рядом с ним ей было не просто хорошо – она чувствовала себя в безопасности. Такой безопасности она не знала, кажется, никогда. И ей отчаянно не хотелось, чтобы этот миг заканчивался.

– Что дальше? – она прошептала, прикусывая губу от странной неловкости и смутного волнения. Его грудь широкой, твёрдой плитой касалась её спины, и даже сквозь слои одежды она ощущала скрытую в нём мощь.

– Отпусти всё. Все мысли, все чувства, все страхи и желания. Вымети их прочь. Представь, что внутри тебя – лишь тихая, беззвёздная пустота, – его инструкции были чёткими, как будто он проделывал этот путь тысячу раз.

Роксана внутренне нахмурилась. Она-то считала, что внутри неё уже давно ничего не осталось. Но, к своему изумлению, она обнаружила там бушующий океан: страх, ярость, обиды, смутные желания и рой мыслей, метавшихся с бешеной скоростью.

– Выдохни. Глубоко. Животом. Вот так... – он положил ладонь ей на живот чуть ниже солнечного сплетения, мягко надавив. Она послушно выдохнула. Раз. Затем ещё. И ещё. Процесс «расчистки» внутреннего пространства занял куда больше времени, чем она предполагала, но её спаситель стоял за её спиной с безграничным терпением, его присутствие было непоколебимой скалой.

– Готово... Пустота, – наконец прошептала она, и это было правдой.

– Теперь... мысленно позови свою силу. Представь её. Какого она цвета? Какая у неё энергия? – его голос стал ещё тише, почти шёпотом, чтобы не спугнуть хрупкое состояние, в которое она погрузилась.

– Она... она приятная. Тёплая. Фиолетовая... почти чёрная, как самое глубокое ночное небо. И она мерцает... – её собственный шёпот стал чаще, дыхание участилось, грудь вздымалась в новом, странном ритме.

– Она твой друг или враг? – мужчина едва заметно отстранился, но она, погружённая в себя, не заметила этого.

– Друг, – ответила она без малейших колебаний, и на её усталом лице расцвела чистая улыбка, которой он не видел с их первой встречи.

– Прекрасно. Теперь представь, что вокруг тебя – не поляна, а девять столов. И пусть твой друг накроет их всех сразу, словно невидимым куполом, со всех сторон, чтобы сквозь него не просочилась ни капля.

Он отступил ещё на шаг и, не сводя с неё глаз, пробормотал короткое, гортанное заклинание. Воздух вокруг них вздрогнул, и поляну озарил призрачный, ядовито-зелёный свет. Он стелился по земле, как туман, устремившись к воображаемым столам, но, достигнув их, не остановился, а пополз вверх, натываясь на невидимую преграду. Магия некроманта упиралась в барьер, обтекая его, но не в силах пробить.

– Теперь открой глаза.

Она медленно, нехотя, подняла веки. И застыла.

– Не может быть... – её собственный голос прозвучал как чуждый визг. Она прижала ладони к губам, глаза расширились от невероятного зрелища. Девять столов – вернее, пространство, где они должны были быть, – находились под её абсолютной защитой. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела. Невидимый, но непробиваемый купол парил в воздухе, и магия мёртвых разбивалась о него, как волны о скалу.

– Девять. И ты – десятая, – его голос прозвучал с торжествующей нежностью, и в тот же миг зелёная дымка рассеялась. Роксана ощутила, как колоссальное давление, которого она даже не замечала в пылу концентрации, разом спало. Она выдохнула с облегчением, и все её тело дрогнуло от мышечной усталости.

– Почему... почему Альтаис... – она начала, не в силах закончить вопрос, в котором смешались обида, недоумение и просыпающаяся надежда.

– Это сработало лишь потому, что он довёл твою магию до нужной точки кипения, – мягко, но твёрдо прервал он её. – Начни ты с медитаций и пустоты, результат пришёл бы через годы. Он... он пытался сделать тебя сильнее здесь и сейчас, какой бы жестокой ни казалась его цена.

– Ты научил меня самому сложному – принципу, – перевела дух Роксана, чувствуя, как эйфорию сменяет осознание масштаба задачи. – Остальному... всему остальному мне придётся научиться самой. И сделать это очень быстро.

И тут её накрыло. Волна истощения, отложенная магическим напряжением, обрушилась на неё с утроенной силой. Она пошатнулась и, едва не падая, прислонилась к столу. Дрожащей рукой она достала из складок мантии маленькую склянку и, не глядя, вылила в чашку со «Стиксом» четыре капли густой, тёмной жидкости.

– Кто дал тебе эту отраву? – его голос прозвучал как удар хлыста. Он выхватил чашу из её ослабевших пальцев и с силой выплеснул содержимое на землю. Тёмная жидкость впиталась в почву с шипением.

– Это... просто настойка... от друга... Я просто устала... – Роксана попыталась возразить, но слова путались. Её дыхание стало прерывистым, а голова закружилась так, что мир поплыл перед глазами.

– Тот, кто дал тебе это, – не друг! Это яд, если принимать его в таких дозах! – в его голосе звенела ледяная ярость, но в глазах читался ужас. В этот миг до него дошла вся глубина катастрофы. Она держалась не на силе воли или тренировках. Её истощенный организм был просто разменной монетой, а эта адская смесь – костылем, не дававшим ей рухнуть окончательно.

– Чёрт! – он резко бросился вперёд и успел подхватить её, когда её тело обмякло и она начала падать с лавки.

Что было дальше – она воспринимала обрывками. Он нёс её куда-то, быстрыми и решительными шагами. Она то проваливалась в чёрную, беззвёздную пустоту, то на секунду возвращалась в реальность: мелькало ночное небо, проплывали знакомые шпили замка, слышалось его частое дыхание и ровный, гулкий стук сердца под ухом. Всё казалось далеким, туманным, словно происходящим не с ней. Он куда-то её положил. Куда? Зачем? Роксана из последних сил попыталась открыть глаза, но веки были свинцовыми, а сознание ускользало, как вода сквозь пальцы.

Мужчина стоял у высокого окна, то и дело бросая взгляд на лежащую без движения девушку. Внутри него всё горело от холодной, сконцентрированной ярости. Наконец дверь с глухим скрипом отворилась, и в покои вошёл Намтар в сопровождении своего верного «пса».

– Ваше высочество, – Альтаис склонил голову в почтительном, но напряжённом поклоне. Рядом с ним так же склонился Намтар.

– Что это? – старший принц резким жестом указал на Роксану. Его голос был тихим, но в нём вибрировала сталь.

– Щит, ваше высочество, – быстро, почти автоматически ответил Намтар.

– Это – человек! – голос принца взорвался, заставив обоих мужчин вздрогнуть. – Это девушка! Живое существо, а не расходный материал!

– Что с ней случилось? – Альтаис подошёл к ложу и склонился над Роксаной, вглядываясь в её неестественно бледное, восковое лицо. Только сейчас, без призмы «тренировок» и «результатов», он увидел то, что упорно не замечал.

– Она умирает, – бросил принц, и эти слова повисли в воздухе, как приговор.

Намтар встрепенулся, его уверенность на мгновение дрогнула. Он сделал шаг вперед.

– Что произошло? – его голос прозвучал резко. Смерть щита, особенно такого редкого, действительно не входила в его планы.

– Это ты мне скажешь! – принц стремительно сократил расстояние между ними, заставляя герцога встретиться с его взглядом, полным беспощадного гнева.

– Ваше высочество, ещё несколько часов назад с ней всё было в порядке! Мы проводили плановую тренировку! – Альтаис выпрямился во весь рост, принимая удар на себя, пытаясь отвести гнев от Намтара.

– Четыре капли! – принц почти закричал, швырнув в Намтара маленький пузырек. Тот поймал его на лету. – Она принимала по четыре капли этого адского зелья, и я уверен, не единожды в день! Ты хочешь сказать, что не знал? Не видел? Или тебе было просто наплевать?!

Намтар медленно обернулся к Альтаису. Тот стоял, не в силах вымолвить слово в своё оправдание, и его молчание было красноречивее любых обвинений. Он смотрел на Роксану и наконец видел: её руки, похожие на хрупкие ветки, выступающие ключицы, впалые щеки, глубокие тени под глазами, тусклые, безжизненные волосы. Как он мог быть настолько слеп? Куда он смотрел все эти месяцы?

– Адельрам... – Намтар произнёс имя, и в его голосе впервые прозвучало напряжение. – Ты вызвал его?

– А как ты думаешь? – старший принц язвительно бросил через плечо, возвращаясь к окну, чтобы скрыть трясущиеся от ярости руки.

– Если она умрет, – принц обернулся, и его слова упали в гробовой тишине, – твоя голова покинет плечи, Намтар. Я даю тебе королевское слово.

Мужчины смерили друг друга взглядами. Герцог знал принца с детства. И если тот что-то обещал, он это исполнял. Именно эта непреклонность когда-то и сделала их друзьями, а теперь висела между ними дамокловым мечом.

В этот момент дверь распахнулась. На пороге, освещённый светом из коридора, стоял юноша. Высокий, с длинными пепельными волосами, ниспадавшими на плечи, с чуть заострёнными кончиками ушей и беззаботной, но отчего-то тревожной улыбкой на губах. В его руках болтались два потёртых дорожных чемодана.

– Ты звал меня, дорогой друг, я явился на твой зов! – громко произнёс вошедший.

– Благодарю, Лаэр! Ей нужна твоя помощь! – Адельрам подошёл к мужчине, вкладывая в руку мешок с монетами.

– Если это будет интересно, я верну тебе деньги! – Лаэр подошёл к софе, где лежала девушка. Бледная, иссушенная до костей. Он поставил чемоданы и склонился над ней, прижимая ухо к груди. Пара мгновений, он коснулся её руки, а после понюхал кожу на шее у самой кромки волос.

– Мне лестно, что ты думаешь, будто я всемогущ, Адельрам, но она уже на другом берегу! Я даю ей десять минут до последнего вздоха! – Лаэр уже было взялся за ручки чемоданов, как принц перехватил его руку.

– У тебя ещё есть десять минут, Лаэр, пациент ещё жив, или ты боишься не справиться? – Принц знал нрав этого полукровка, он надавил туда, куда было нужно.

– Страх – это не про меня, просто спасти нечего! Хотя... – он сделал задумчивый вид. – Это интересно! – Лаэр бросил мешок с деньгами обратно принцу, открывая свои чемоданы. Мужчины столпились у него за спиной, молча наблюдая.

– Вы дышите мне в спину, а у неё, между прочим, шесть минут осталось! Дверь вон там, как я закончу, так узнаете, что я закончил! – полукровка указал пальцем на дверь.

– На выход! – Адельрам первым направился к двери, остальные повиновались приказу и оставили комнату.

– Это Лаэр, он...

– Лучше помолчи, Намтар! – принц крепко сжал кулаки.

– Можешь идти, Альтаис! – герцог строго посмотрел на парня, и тот повиновался. Пара минут, и мужчины остались наедине.

– Идём в кабинет, это не лучшее место для разговоров! – Намтар пропустил важного гостя вперёд.

Дверь кабинета громко захлопнулась. Адельрам подошёл к потайной полке и достал бутылку крепкого алкоголя. Устроившись на диване, он опустил глаза на тлеющие угли.

– Отчего ты так зол? Я лишь делаю то, чего ждёт от меня твой отец! – Намтар сел напротив, прихватив вторую бутылку.

– Он не ждёт от тебя, что ты будешь убивать людей в угоду короне! – прыснул Адельрам.

– Он ждёт от меня крепкую армию, победу над Тёмными! Я прилагаю все усилия, но я не могу следить за всем! – Герцог отпил из бутылки.

– Ходячий труп у тебя под носом, и ты его не заметил? Хочешь сказать, что вообще за ней не следил? – Адельрам горько усмехнулся, понимая, насколько абсурдно звучат эти вопросы в устах человека, славящегося своей проницательностью.

– Она – Щит! Военный актив, собственность королевской армии! – Намтар ударил кулаком по столу. – Я делал то, что должен был делать! Пять целей – это пять спасённых жизней на поле боя! Не вини меня в жестокости, Адельрам. Тёмные не знают пощады. Их магия иная, они сильнее. Нам нужна была сила здесь и сейчас, а не через пять лет!

– Тёмные прикончат нас куда быстрее, если мы сами будем уничтожать своих же! Если мы будем сжигать щитов, которых у нас и так нет! – Принц с такой силой поставил бутылку на стол, что стекло треснуло, и золотистая жидкость начала растекаться по дереву.

– Моя вина? Хорошо, согласен! Это ты хотел услышать? – Намтар резко поднялся, его терпение лопнуло. – Да, Роксана важна! Но я был ослеплён целью! События на границе вынуждают действовать быстро, а не нянчиться!

Внезапно он смолк и пристально посмотрел на друга, его взгляд стал аналитическим.

– Стой. Как ты вообще оказался здесь? В такой час?

– Она позвала. И я пришёл, – Адельрам тяжело вздохнул, отводя взгляд.

– Адептка, простая деревенская девчонка, позвала наследника престола, и тот, как мальчишка на побегушках, примчался к ней по первому зову? – Намтар расхохотался, но смех его был сухим и невесёлым. – Почему я ничего не знал о вашей... особой связи?

– Потому что никакой «связи» нет! – Адельрам резко оборвал его. – Мы виделись лишь раз, в ночь её посвящения. Она плакала, заблудившись в лабиринте. Я напоил её чаем, мы поговорили. Вот и всё.

– И из-за одной чашки чая ты бросил все дела в столице и примчался сюда, едва получив её записку? – не унимался Намтар, в его голосе звучало недоверие и едва скрываемая насмешка.

– Она мне понравилась! – вырвалось у Адельрама, и он сам, казалось, удивился своей откровенности. – Ещё тогда. Своей честностью. Прямотой. Открытостью. В её словах не было ни капли лести или расчёта.

– Чистая, смелая и... красивая, – тихо добавил он, и их взгляды встретились – взгляд прагматика и взгляд человека, впервые за долгие годы позволившего чувству взять верх над разумом.

– Твоя мать разорвёт её на куски, а отец прикажет выпотрошить на главной площади для устрашения! – Намтар говорил жёстко, без прикрас, вбивая в сознание друга суровую реальность. – Твои сестры сошьют из её кожи сумочки, а Фиар... он будет использовать её голову вместо мяча для своей забавы! Разве что младший брат будет на твоей стороне, они, кажется, дружны.

– Хватит! – Адельрам с силой провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть мрачные образы.

– Извини, но правда редко бывает приятной. Ты либо убьёшь её сам своим вниманием, либо сломаешь ей жизнь. А жизнь у неё, как ты мог заметить, и без того не сахар, – Намтар откинулся в кресло, снова поднеся к губам бутылку.

– Почему ты не сказал мне? – спросил герцог уже спокойнее, видя, как мрачнеет лицо друга.

– Она просто... понравилась. Не о чем было говорить. Я был уверен, что в твоих руках с ней всё будет в порядке. Но, видимо, я впервые ошибся в тебе, – Адельрам глотнул виски, и на его лице мелькнула гримаса – не от горечи напитка, а от горечи осознания.

– Лаэр справится, я в этом не сомневаюсь. Но и ты... не отнимай у неё жизнь во второй раз, – Намтар посмотрел на принца прямо и серьёзно. – Она не по статусу тебе, Адельрам. Её не примут. Никогда.

В комнате повисла тягостная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине.

– Взгляни на леди Викторию. Она – прекрасная партия. Ты – наследник, друг мой. В твоём мире нет места ни чувствам, ни сердцу. Только политика. Только выгода, – Намтар тяжело поднялся и достал новую бутылку, словно предлагая выпить за горькую правду. – Женись по расчёту. А уж потом... сделаешь её своей фавориткой. Все будут довольны. Если, конечно, твой интерес к ней не угаснет к тому времени.

Намтар знал, что говорил. И Адельрам понимал, что он прав. Роксана ему нравилась. Но что это было? Мимолетное увлечение? Влюблённость? Что могло по-настоящему зародиться за две короткие встречи?

– Я вижу, о чём ты думаешь. И ты прав, – Намтар перекинул ноги через подлокотник кресла, запрокинув голову. – На том и порешим, друг мой.

Тем временем в соседней комнате Лаэр не отрывал взгляда от медленно вздымающейся груди девушки. Жива. Пока жива. Это было главным. Ему удалось вывести из её организма самый агрессивный яд и стабилизировать сердце. Но это была лишь временная мера. Тело, как он и предсказывал, было нежизнеспособно. Оно исчерпало все ресурсы, магия выжгла её изнутри, как пожар выжигает поле.

– Судя по тому, что ты ещё борешься, жить ты хочешь, дорогуша, – его шёпот был похож на шипение змеи. – Но твоё тело больше не может поддерживать твои желания. Так что же нам с тобой делать?

В ответ стояла лишь тишина.

– Молчишь? Что ж, понимаю. Но задачку ты подкинула немаленькую, – полукровка усмехнулся, скрестив руки на груди. – Зато я тебе благодарен. Давно у меня так голова не работала.

– Пам-пам-пам... – он напевал себе под нос, расхаживая по комнате. – Что же делать? Что же с тобой делать?

Его взгляд упал на маленькую чёрную бархатную коробочку, припасённую на самый крайний случай. Губы его сложились в тонкую, неодобрительную линию.

– Нет. Ты этого не стоишь, человечка. Совсем не стоишь, – пробормотал он, нахмурившись.

Но его рука, будто против его воли, уже тянулась к коробочке.

– Хотя, если подумать, моя цель – спасти твоё тело, а это определённо его спасёт! Но вот проблема: такое лекарство у меня только одно, и что же мне делать? А? – Лаэр отвернулся, чувствуя под пальцами бархатную обивку.

– О, тёмная мать, зачем ты даровала мне совесть? – С тяжёлым вздохом мужчина достал изящную коробочку и открыл её. Внутри, на чёрном бархате, лежал крошечный железный шприц, наполненный маслянистой жидкостью цвета ночи.

– Твой принц, дорогуша, будет расплачиваться со мной до конца своих дней! А ты... ты сделаешь мне подарок! – Лаэр быстрым движением достал второй, пустой шприц и откачал из её вены немного крови. Алая струйка медленно заполнила прозрачный цилиндр. – Твой дар – загадка, и именно ты откроешь мне эту тайну!

Он снова поднёс к её шее шприц с тёмной жидкостью. Игла мягко вошла в кожу. Лаэр нажал на поршень. Роксана вздрогнула, громко, с хрипом вдохнула и замерла, словно кукла, снова впад в беспамятство.

– Ну вот, человечка, дело сделано! Хотя... не быть тебе более человечкой! – Лаэр убрал в футляр шприц с её кровью, как величайшую драгоценность, захлопнул крышку чемодана и бесшумно покинул комнату.

Адельрам вскочил с места, едва скрипнула дверь кабинета. Лаэр был мрачнее тучи, и это красноречивее любых слов говорило о том, что дело приняло дурной оборот.

– Ты должен мне, Адельрам Сиберий. До конца своих дней! Ты выполнишь три моих просьбы, какие бы ты от меня ни услышал! – Лицо Лаэра внезапно исказила резкая улыбка, и кислая мина принца явно его позабавила.

– Ты... помог ей? – выдохнул Адельрам, цепляясь за эту слабую надежду.

– Она будет спать три дня и три ночи. Давать ей только воду, и только после заката. Тогда с ней всё будет хорошо. Даже лучше! – Лаэр театрально поклонился. – На этом я прощаюсь с вами.

Солнечный свет бил Роксане прямо в лицо, заставляя её поморщиться. Она нервно зашипела, зажмуриваясь, и в отчаянии пожелала, чтобы ослепительное светило просто исчезло. И в следующее мгновение оно исчезло. Девушка распахнула глаза и увидела склонившуюся над ней Лили, которая заслонила собой окно.

– Ты меня напугала! – Лили с облегчением легко толкнула подругу в бок.

Демьян, уже успевший задёрнуть шторы, стоял позади своей возлюбленной, его лицо было серьёзным и напряжённым.

– Я... ничего не помню. Что произошло? – Роксана с трудом села на кровати, растирая онемевшее, сонное лицо.

Она была в своей комнате. Все вещи лежали на своих местах, в воздухе пахло знакомыми духами, и на мгновение ей показалось, что вся эта кошмарная жизнь – всего лишь дурной сон. Но чёрная мантия, бесформенной тенью покоившаяся на спинке стула, безжалостно вернула её в реальность.

– Ты упала в обморок, и, честно признаться, судя по лицу Намтара, я уже решил, что ты... – Демьян не договорил.

– Ты пролежала без чувств три дня. Мы только что приехали из замка, и я чувствую себя ужасно... – начала Лили.

– Остановись, Лили, – мягко перебила её Роксана. – Это я пропустила твою свадьбу и испортила вам настроение. Мне должно быть стыдно.

Она придвинулась ближе и обняла подругу, ощутив знакомое тепло.

– Поздравляю тебя. Теперь ты принцесса.

Затем её взгляд встретился со взглядом Демьяна. Девушка коснулась его руки – быстрый, почти невесомый жест – и тут же отпустила.

– Поздравляю, Демьян.

– Только больше не пугай нас так! – Парень улыбнулся, бережно положив руки на плечи своей жены.

– Как всё прошло? – Роксана спустила ноги с кровати и с удивлением ощутила в них незнакомую прежде силу и уверенность, будто каждую мышцу наполнили свинцовой тяжестью и упругостью стали.

– Пышно, празднично, богато. Как ещё может пройти королевская свадьба? – хмыкнул Демьян, но в его глазах искрилась радость.

– Я рада, что наконец-то моя подруга не будет скрывать свою любовь к тебе, – усмехнулась Роксана.

– А уж я-то как рад! – Мужчина не сдержался и крепко обнял Лили, прижав её к себе.

– Эй! А ну перестань! – Девушка засмузилась, делая вид, что вырывается из его объятий, хотя её лицо озаряла счастливая улыбка.

– Хорошо, что всё обошлось! Целитель сказал, ты приняла слишком много настойки, – Лили встала напротив Роксаны, протягивая к ней руку, как бы желая снова убедиться, что та жива и невредима.

– Всё нормально, я... – Девушка резко осеклась. Она несколько мгновений молча смотрела то на Лили, то на Демьяна, и в её глазах читалась тяжёлая внутренняя борьба. Наконец, она выдохнула: – Война началась. Я должна была уехать сразу после вашей свадьбы.

Глаза Лили округлились от ужаса, ноги сами подкосились. Демьян вовремя подхватил жену и усадил её в кресло. Девушка бессильно затрясла головой, отказываясь верить услышанному.

– Почему ты раньше ничего не сказала? – голос Демьяна прозвучал глухо, а его лицо стало мрачнее грозовой тучи.

– Не хотела портить вам свадьбу. Хотела, чтобы вы были счастливы хотя бы этот один день, – Роксана попыталась улыбнуться, но получилась лишь горькая ужимка.

– Но мы любим тебя, и мы...

– Вы ничего не можете изменить! Никто не может! Я – щит с девятью целями, Лили. Такова моя судьба, – Роксана резко встала с постели. Внутри неё бушевала странная, чужая энергия, а магия под кожей приятно покалывала, словно игристое вино.

– Я поговорю с отцом! – решительно заявил Демьян, делая шаг вперёд.

– Нет. Только я сама могу себе помочь, Демьян. Я должна выгрызть своё место под солнцем, иного пути для меня нет, – Роксана упрямо поджала губы. Все понимали, что она права, но никто не хотел мириться с жестокостью этой правды.

– И... когда? – Лили сдавленно всхлипнула, смотря на подругу полными слёз глазами.

– Вероятно, сейчас, как только герцог поймёт, что я в порядке. А я в порядке, – Роксана снова попыталась усмехнуться, на этот раз получается лучше. – Давайте простимся сейчас. Второй раз я этого не выдержу.

Она подошла к Лили и заключила её в крепкие, почти отчаянные объятия.

– Я вернусь. Всё будет хорошо. Просто верь в меня, – прошептала она ей в макушку.

– Девочки мои! – Демьян не выдержал и обнял их обеих снаружи, крупные слёзы катились по его щекам, и он даже не пытался их сдержать.

– Защищай её, Демьян. Кто бы ни встал у тебя на пути, – Роксана мягко высвободилась из объятий и отступила на шаг. – Идите же, – она продолжала улыбаться, но её губы предательски дрожали.

– Ро! – Лили вскочила и снова бросилась к подруге, обвивая её шею руками.

– Всё хорошо, не лей по мне слёз. Я не умру, обещаю, – Роксана снова обняла её, закрыв глаза, впитывая это ощущение последний раз. Демьян, утирая лицо рукавом, терпеливо ждал в стороне.

– Иди же, Лили. Не рви мне сердце, – Роксана бережно отстранила её. Демьян взял за руку свою жену и мягко, но настойчиво повёл к двери. Та захлопнулась с тихим щелчком.

Роксана тяжело прислонилась спиной к прохладной стене, прижимая ладонь к груди, под которой колотилось вырывающееся на свободу сердце. Расставаться было невыносимо тяжело, но лучше – сейчас, вот так, честно, чем сбежать тайком, как она изначально и планировала.

Переборов подступающие слёзы, она вошла в ванную комнату. Повернув кран, она стала набирать ванну и сняла ночную рубашку. Краем глаза она заметила что-то в зеркале и резко обернулась. Замерла в изумлении.

– Что за чертовщина? – прошептала она, подходя ближе.

Роксана медленно провела пальцами по своему лицу, шее, плечам. Всюду, где раньше проступали острые кости и желтоватая кожа, теперь лежали упругие, гладкие мускулы. Кожа сияла здоровьем, без единой ссадины или старого синяка. Черты лица остались её, но стали будто отточенными, словно работа искусного скульптора. Глаза казались глубже и выразительнее, ресницы – гуще. Нос слегка заострился, скулы стали чуть чётче – изменения были тонкими, но для неё, знавшей каждую свою черту, – разительными.

– Что за пилюлю мне дали? – Роксана коснулась волос, густые, яркие и живые, они никогда такими не были прежде.

Встряхнув головой, Роксана с трудом оторвалась от собственного отражения и погрузилась в наполненную ванну. Горячая вода приятно пощипывала кожу, а мочалка смывала невидимую грязь прошлых дней. Мысли её метались, но память неумолимо возвращала к тому самому вечеру. Она ясно помнила разговор со своим спасителем, помнила тот пьянящий прилив счастья, когда зелёная магия не могла добраться до её целей, помнила восторг и бешеный стук сердца, когда тот мужчина стоял у неё за спиной. А дальше – лишь тьма. Кто бы ни помог ей и как – оставалось загадкой, но она чувствовала безмерную благодарность к этому незнакомцу.

Переодевшись в свою форму и собрав волосы, она вышла из комнаты с ощущением, будто способна свернуть горы. Адепты, встречавшиеся ей на пути, поспешно отворачивались и ретиrowались. Да, она сама привела к такому отношению, но теперь в их взглядах она улавливала не только страх, но и нечто новое – похожее на жалость. Тяжело вздохнув, она поняла: скорее всего, все уже знают о том, как она лишилась чувств и провалялась в постели три дня и три ночи.

Дверь в кабинет герцога была приоткрыта, но она всё же постучала, терпеливо дожидаясь тихого «Войдите». Расправив плечи, Роксана переступила порог и остановилась в нескольких шагах от стола, заваленного бумагами.

– Ты очнулась. Хорошо, – Намтар что-то быстро дописал и сложил листок вдвое.

– Вашими стараниями! – Она склонила голову в почтительном поклоне. Каким бы козлом она его ни считала, именно он привёл к ней лекаря и спас ей жизнь.

– Тебе помог твой друг, его и благодари, Роксана. Впрочем, сейчас это не столь важно. Ты пришла в себя, и...

– Я понимаю. Просто дайте направление, – она твёрдо подошла ближе и протянула руку.

Мужчина оценивающе взглянул на неё – его взгляд был полон странного, почти научного интереса, – но всё же вручил ей только что подписанный приказ.

– Лаэр – мастер своего дела. Три дня – и иссушенная мумия превратилась в настоящую красавицу, – Намтар одобрительно кивнул.

– Будут ли ещё указания? – Роксана пропустила его слова мимо ушей. До состояния мумии она дошла именно благодаря его «заботам», и он бы спокойно продолжал, пока не добился бы своего.

– Нет. Ты отправишься завтра утром вместе с Альтаисом. На перевале Кирас ваши пути разойдутся. Ты едешь на север, Роксана, под командование среднего принца Фаира, – Намтар поджал губы. – Мой совет: не зли его. Делай всё, что прикажут. И по возможности держись на расстоянии.

На его лице она заметила тень беспокойства. Это было как минимум странно, учитывая его сугубо потребительское отношение к ней. И всё же она мысленно поблагодарила его за этот крошечный совет. Королевские особы и правда опасны; их прихоти исполняются немедленно, даже если они абсурдны или ведут к чьей-то гибели.

– А Альтаис? Куда направят его? – не удержалась Роксана.

– На восток. Он будет защищать наследника короны. Вслед за тобой я отправлюсь на запад. Ты можешь писать мне, если возникнет нужда или потребуется помощь. Я был и остаюсь твоим учителем, Роксана, что бы ты ни думала обо мне, – Намтар сложил руки в замок, глядя ей прямо в глаза.

– Благодарю! – Склонив голову в формальном поклоне, она развернулась и вышла из кабинета, терзаемая противоречивыми и совершенно неуместными чувствами. словно клубок змей, они шевелились у неё внутри, не находя выхода.

В её распоряжении был целый день и одна ночь – последняя перед тем, как её жизнь изменится навсегда. Роксана вернулась в свою комнату и монотонными, отрешёнными движениями принялась складывать в дорожную сумку лишь самое необходимое. За год тяжёлой жизни у неё скопилось немало книг и разных мелочей, но всё это теперь потеряло для неё всякий смысл и ценность.

Собрав нехитрый скарб, она взяла расчётную книжку и покинула стены академии Годжо. Город жил своей обычной, шумной жизнью, и эта картина обыденности вызывала в душе странную боль. Люди, спешащие по своим делам, и не подозревали, что очень скоро их мир перевернётся. Но пока что жизнь текла своим чередом, и в этом был свой горький, обнадеживающий уют.

Роксана с наслаждением медленно прогуливалась по улочкам, вдыхая знакомые запахи свежей выпечки, дорогого южного кофе и пряных восточных специй. Банк Кашгара располагался в самом сердце города, на главной площади. Девушка понимала, что деньги ей, по сути, ни к чему, но внутренний голос подсказывал – монеты могут пригодиться где-нибудь в пути.

Опустошив свой счёт и получив на руки увесистый кожаный мешочек, она зашла в ближайшее кафе и села за столик под тенистым навесом.

– Добрый день, леди! Чего изволите? – к ней подскочил улыбчивый молодой человек с меню в руках.

– Кофе. И самую лучшую сладость, что есть у вас, – она ответила ему лёгкой улыбкой. Официант в ответ озарился ещё более широкой улыбкой, оставив меню на краю стола.

Роксана наблюдала за прохожими, слушала городской гомон и думала о том, что будет, если Тёмные прорвут оборону и доберутся до столицы. Сколько людей погибнет? Как будет выглядеть эта залитая солнцем площадь, потонув в огне и крови? Что станет с её собственной, такой хрупкой жизнью? И будет ли она вообще жива к тому моменту?

Тяжело вздохнув, она на несколько секунд закрыла глаза. Тёмные... Что она вообще о них знала? Внезапно это показалось ей странным. Все знали, что за горным хребтом живут враги и ходить туда не стоит. Но никто не говорил, кто они, как живут и почему вообще стали врагами.

Девушка прикусила губу. В этот момент официант принёс её заказ, и она, не глядя, сунула ему в руку несколько монет – щедро, с лихвой хватило бы на хороший обед.

– Благодарю вас, леди! – Его лицо снова озарилось искренней радостью, и он, ловко спрятав деньги в карман передника, поспешил к другим гостям.

– Роксана?

Голос заставил её вздрогнуть. Альтаис без приглашения опустился в кресло напротив. Его вид был непривычным – обычная холодная отстранённость куда-то испарилась, уступив место живому удивлению. Его взгляд, жадный и пристальный, скользил по её лицу, фигуре, выпитывая каждую деталь, будто он видел её впервые – или после долгой разлуки.

– Я в порядке, и в том, что произошло, нет твоей вины! – Она сразу уловила в его взгляде ту самую, хорошо знакомую ей тень вины и решила обрезать эти размышления на корню.

– Определённо, ты принимала капли и знала, к чему это приведёт, – его голос прозвучал сухо. Он щёлкнул пальцами, и официант появился тут же, будто вынырнув из воздуха. – Кофе, отдельно молоко и сахар. И три булочки с маслом. – Альтаис вложил в руку слуги несколько монет, даже не взглянув на него.

Девушка тем временем взяла десертную вилку, её взгляд упал на изящное пирожное, напоминавшее спелую клубнику.

– Я рада, что ты не испытываешь угрызений совести, – она коротко хмыкнула и отправила в рот первый кусочек. Десерт оказался воздушным муссом с взрывной сладостью клубничного джема внутри.

– Куда тебя распределили? – Он сложил руки на столе, его поза выдавала напряжение.

– К Фаиру, на север. – Роксана лишь пожала плечами, демонстрируя показное безразличие, с которым она уже смирилась.

– Там тише всего. Но принц... он ещё та мразь. Будь осторожна, соблюдай дистанцию. Делай то, что...

– Оставь, Альтаис. Всё это мне уже сказал герцог, – она резко перебила его. – Лучше скажи, что ты знаешь о Тёмных?

Она заметила, как непроизвольно поджались его губы.

– Ты росла на севере, близ границы. Должна была что-то слышать, – его голос стал тише, почти интимным. Официант, будто почувствовав напряжение, бесшумно поставил перед ним заказ и ретировался.

– Если спрашиваю, значит, не слышала. Да, я видела разграбленные обозы, убитых... но... – её взгляд встретился с его фиолетовыми, невероятно насыщенными глазами, и в них она ясно читала сомнение. – Ты и сам не знаешь, верно? – вдруг усмехнулась она.

Мысль показалась ей одновременно и пугающей, и абсурдной. Корона готовит к войне сотни солдат, не понимая, с кем они сражаются. Лишь сейчас она осознала, в каком гигант-

ском пузыре неведения пребывает всё их общество. Никто ничего не знает, кроме того, что за горами – страшные и кровожадные Тёмные, жаждущие всех убить.

– Их страна зовётся Тенебри, и столица носит то же название. Тёмные выше, сильнее и выносливее нас. Они обладают магией, но черпают её из самой земли, потому у них не растут деревья и не цветут цветы. Ты ведь видела, на что похожа буферная зона за горами? Голое поле, лишённое жизни, – Альтаис говорил негромко, его взгляд время от времени скользил по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли кто.

– Это знают все, Альтаис! Даже пятилетние дети! Все знают сказки про войну тысячулетней давности, все знают, что мы были одним целым! Два брата поссорились – и получилось две страны! – её голос зазвучал с горькой иронией. – Мы мстим за кровь, пролитую тысячу лет назад? Да кто вообще помнит, кто там сражался и за что?

– Правда такова, что её не знает никто, – тихо парировал он. – Лишь попав на место и встретив врага лицом к лицу, мы поймём, что происходит на самом деле.

Мужчина опустил в свой кофе три кубика сахара и вылил почти всё молоко. Громко помешав ложкой, он сделал большой глоток и одобрительно кивнул.

– Я прожила восемнадцать лет, проучилась год в академии, а задумалась о том, с кем мы воюем, только сейчас. Раньше меня этот вопрос не волновал. И всех вокруг – тоже, – Роксана с силой сжала зубы, чувствуя, как внутри закипает гнев от этого всеобщего ослепления.

– Ты найдёшь ответы, когда прибудешь на место. Ровным счётом как и я, – Альтаис с неприкрытым удовольствием вгрызся в булочку, обильно смазанную маслом.

– В тебе что-то изменилось, – произнёс он спустя несколько мгновений, довольно причмокивая.

– В тебе тоже. Ты вдруг стал похож на человека. На твоём лице – самое настоящее, неприкрытое наслаждение, – она ткнула в его сторону пальцем с десертной вилкой.

– Ты была на грани смерти. Такое меняет людей. Иногда – слишком сильно. Но ты кажешься... прежней, Лагос. Только вот куда здоровее, чем была до того. Лаэр творит чудеса.

Она услышала это имя во второй раз за день, и в её сознании наконец-то сложилась полная картина. Теперь она точно знала, кому обязана своей не просто жизнью, а этим новым, сильным телом.

В небе что-то пронеслось, на мгновение затмив солнце, а пару минут спустя с неба посыпались листки бумаги, словно снег в разгар лета. Роксана поднялась как раз в тот момент, когда забили сигнальные колокола главной смотровой башни, заполнив воздух тревожным, набатным гулом. Девушка подняла с земли один из листков. Красными, похожими на кровь, чернилами было выведено всего одно слово: «Война». Дыхание перехватило. Теперь о том, что происходит, узнают все.

– Нам пора возвращаться! Скоро начнётся настоящая паника! – Альтаис схватил её за запястье, засовывая себе в рот последнюю булочку.

Они помчались по улицам столицы, оглушённые криками, жаркими спорами и уже начинающимся хаосом. Солдаты ровным строем начали патрулировать город, пресекая беспорядки в зародыше, но тревога уже разлилась в воздухе, густая и липкая.

В академии тоже царил смятение: напуганные первокурсники столкнулись с воинственно настроенными выпускниками. Казалось, вся столица медленно, но верно раскалывалась на два лагеря.

– Для нас не будет особых указаний. Возвращайся к себе и ложись спать. Завтра на рассвете я приду за тобой, – Альтаис отпустил её руку и быстро растворился в толпе адептов.

Роксана не стала спорить. Она молча поднялась к себе, стараясь не слышать голоса, доносившиеся из-за каждой двери. Толкнув дверь своей комнаты, она услышала лёгкий шорох – по деревянному полу прокатилось письмо. Девушка поняла, что это от него, и захлопнула дверь, отгораживаясь от внешнего мира.

«Дорогая Роксана, мне сообщили, что тебе намного лучше. Смеею надеяться на встречу, в том же месте, сегодня, ровно в девять!»

К щекам прилила кровь, а в груди разлилось тепло. Улыбнувшись знакомому почерку, она села на край кровати, прижимая письмо к сердцу. Она вдруг поняла, как эти мимолётные встречи будоражат, как ей нравится этот зелёный свет в его глазах, как мягко её успокаивает запах его одежды. Сегодня, быть может, последний раз, когда она может его увидеть, когда может побыть собой и просто поговорить.

До вечера девушка неустанно приводила себя в порядок. Она сняла с себя привычную форму и надела узкие кожаные штаны и обтягивающую кофту. Она несколько раз меняла причёску, прежде чем остановилась на просто распущенных волосах со слегка завитыми кончиками.

Ровно в девять, когда прозвенел сигнал отбоя, Роксана уже пересекала лабиринт быстрым шагом, направляясь к месту их встречи.

– Я здесь! – Она ворвалась на поляну, широко улыбаясь. Мужчина стоял посередине, что-то читая, но при её появлении быстро свернул бумаги и убрал в карман.

– С тобой всё... – начал он, но девушка стремительно двинулась к нему и крепко обняла, не дав договорить.

– В порядке, я в порядке! Спасибо тебе! – Она отстранилась, смущённо отводя глаза. Её порыв принёс лёгкую неловкость, и мужчина, поджав губы, улыбнулся.

– Я лишь позвал лекаря. Во всяком случае, ты в порядке, и это главное, – он рассматривал её, и то, что он видел три дня назад, и то, что видел сейчас, были двумя разными людьми. Живая, пышущая здоровьем, с горящими глазами и румянцем на щеках.

– Да, спасибо... Зачем ты меня позвал? – Она сделала вид, что только сейчас заметила на импровизированном столе какие-то вещи, и словно бы между делом направилась к ним.

– Тёмные сбросили листовки. Теперь война – не секрет. Всё вышло на новый уровень. – Роксана взяла бутылку, рассматривая этикетку. Он принёс вино – красное, сладкое, а в плетёной корзине лежали фрукты, нарезанный сыр и орехи.

– Люди должны знать, что происходит. Думаю, королю стоило сообщить народу лично, а теперь за него это сделали Тёмные! Паника неизбежна, и это показало, как глубоко в страну они могут забраться, а мы их даже не заметим.

С этими словами она ловко откупорила бутылку, наполнив две стеклянные чаши. Одну она протянула мужчине, а сама непринуждённо оперлась спиной о край стола, готовая к долгому разговору в ночи, который мог стать для них последним.

– Ты поедешь на север, к среднему принцу...

– Ох, не говори мне, что он мразь и мне стоит держаться от него подальше! Ты сегодня третий, кто заводит эту тему! – Роксана выдохнула, делая глоток.

– Такое мнение у людей насчёт принца? – брови мужчины приподнялись.

– Я лично ничего не слышала о нём да и никогда не видела, но другие говорят, что он не совсем нормальный! Видимо, по этой причине не такой ценный, раз к нему отправляют меня! – Она пожала плечами, подавляя смех.

– Люди, что сказали тебе, правы, принц Фаир жестокий и расчётливый, а ещё похотливый! Не терпит отказов и пререканий, может казнить тебя за любую мелочь, Роксана! – Мужчина подошёл ближе.

– А своё имя ты мне, наконец, назвать не хочешь? – резко сменила она тему, с надеждой глядя на него. Они встречались уже в третий раз, а она до сих пор не знала, как его звать.

– Адельрам.

Она мысленно повторила его имя, смакуя каждую букву. Оно было тёплым и благородным, идеально ему подходящим.

– Приятно познакомиться, – Роксана протянула свою чашу, и он легко стукнулся о неё своей. – За знакомство! – Она сделала несколько глотков, пытаясь скрыть охватившее её волнение.

– Если что-то пойдёт не так, если вдруг... – он запнулся, подбирая слова. – Хватай лошадь и скачи на восток, в Крепость Клыка.

– Неужели у тебя хватит власти, чтобы спасти меня от гнева принца? Вот это да! – она усмехнулась, но в её глазах вспыхнула надежда.

– У меня есть прямой доступ к королю, а тот прекрасно знает, что его средний отпрыск не слишком благоразумен. Ты – Щит. Король не захочет терять тебя из-за его прихоти, – мужчина прочистил горло и снова приблизился, сокращая дистанцию между ними.

– За что мы воюем, Адельрам? – внезапно спросила она.

Он напрягся, на мгновение его взгляд ушёл в сторону.

– Мы воюем за Кашгар! Тёмным нужны наши ресурсы, наша земля, ведь их – бесплодна. Мы воюем за наш дом и тех, кого любим!

Она отстранилась от стола и медленно подошла к нему так близко, что ощущала исходящее от него тепло.

– Быть может, мне стоит сразу поехать на восток? Ведь единственный, за кого мне настоящему хочется сражаться, будет там.

Она набралась смелости и утонула взглядом в его глазах. В глубине изумрудной зелени металось столько эмоций, что разобрать хоть одну не представлялось возможным.

– А как же твои друзья? – он почти прошептал.

– Они смогут позаботиться о себе. Они будут там, где Тёмным их не достать, – под самым боком у короля. А ты... ты будешь там, где каждый день может стать последним.

Она ловила каждое движение его длинных ресниц. Её слова явно застали его врасплох.

– Роксана, ты, возможно, не совсем правильно поняла смысл наших встреч. Я...

– Я – птица не твоего полёта, и я прекрасно это знаю! – перебила она, и в её голосе зазвучала сталь. – И я не обманываюсь насчёт причин этих вот... встреч с вином и пирогами!

Она резко отшатнулась, стараясь удержать на лице маску холодной невозмутимости, хотя сердце сжалось в маленький, болезненный комочек. Он ей нравился. Безумно. От кончиков пальцев до макушки. Не только своей внешней красотой, но и тем внутренним теплом, что она в нём чувствовала. Она знала – он добрый и справедливый. С таким, как он, ей было бы так хорошо.

– Ты... отвергаешь меня? – Он неуверенно усмехнулся, не веря собственным ушам. Пожалуй, она единственная во всём королевстве, кто на такое осмелился.

– Я ни за что на свете не отдам своё сердце тебе или кому-либо другому столь высокого рода. Хочешь знать почему? – Она горько улыбнулась, видя его растерянность. – Потому что для всего твоего окружения я навсегда останусь Роксаной из деревни на самой окраине страны! Безродной собакой-подкидышем! Конечно, «любовь против статуса», эта романтическая борьба и поиск утешения друг в друге – звучит красиво. Но на практике всё закончится тем, что я вернусь в грязь, откуда ты меня на время поднял, а ты – на свой золотой пьедестал, откуда ненадолго спустился!

Она быстро допила вино, снова подошла к столу и, унимая дрожь в руках, налила себе ещё. Потом повернулась к нему, с трудом натянув на лицо беззаботную улыбку.

– В твоих устах это звучит так жестоко, – тихо произнёс Адельрам.

Он замер, словно ноги его приросли к земле. Она была права. На все сто. Но, чёрт возьми, почему ему так отчаянно хотелось с этим поспорить? Почему хотелось крикнуть, что всё не так? Что его статус не имеет никакого значения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.